

Весной холодной дорог лучик света,
Среди небес мелькнёт он только раз,
Пообещав, что уже скоро – летом –
Теплом обнимет, обогреет нас.

И к дому жмутся крохотные сени,
Тепло лучей впуская на порог.
И голову кладу я на колени
Твоих девичьих оголенных ног.

Мы замолчим. И зря. Твоё молчанье
Как знак вопроса. Для чего? Зачем?
А голова моя – в любви признание,
Ведь для меня теперь ты стала всем.

И как слова, не сказанные в муке,
Твою любовь я чувствую в другом:
Твои совсем неопытные руки
На мне, дрожа, смыкаются замком.

Дрожал и я, и в этот день весенний
Луч солнца замер на моей спине.
И две дрожащих от волненья тени
Уже слились в неопытной волне.

Двери скрипнули в сад.
Хорошо!
Ветка клена свисает в окно.
И как будто письмом –
Треугольным листом –
Пощекочет щёку перед сном.
Двери скрипнули в сад.
Хорошо!

Щекотни-ка мне щёку ещё,
Может, ночью во сне
Ты привидишься мне,
Образ милый в открытом окне.

Двери скрипнули в сад.
Хорошо!
На столе моём, правда,
письмо...
И лежат строчки в ряд,
Как красивый наряд,
Как осенней листвы маскарад.

Фотография

Ты смотришь поверх с укоризной,
Без фальши девичьей и зла,
Хоть дерзкой тогда и капризной
Ты в детстве далёком была.
Твоё чёрно-белое фото,
Ещё по краям в фиолет...
Но мне днём и ночью охота
Рассматривать этот портрет.
Иные на стенах портреты,
Но я изучаю на свет
Твои молодые приметы,
Которых особо и нет.
Далёкое ранее детство.
Я вспомнил о нём неспроста.
Девичье я помню кокетство,
Рисунки по краю листа.
И кажутся ложью другие
Свидетели счастья и бед,
Дешёвые и дорогие,
Принёсшие пользу и вред.
Забуду про всех, вспоминая,
Как нежил любовный сюжет,
Наивно ещё полагая
Дождаться любимой ответ.

Про годы свои забывая,
Хватился я: сколько же мне?
Накапала чаша до края
Росой на осеннем окне.
Остались обрывки на сдачу
По-детски несмелых речей.
И я просыпаюсь и плачу
Средь длинных сибирских ночей.

Любовь поэта

Брызнуло солнце, растаяла ночь,
Сон растворился в тягучее прочь,
И закурился туман над водой,
Пар поднимался над быстрой рекой

Каплями капала с листьев роса,
Ветки в воде полоскали леса,
Ярко струился по берегу свет,
Спал под деревьями только поэт.

С песней в душе он к утру засыпал,
Если любовь под луною встречал.
Если бродил с ней и нежен, и люб,
Крик обрывался с обветренных губ.

Что же, поэт, если петь на ветру,
И у холодной воды и в жару –
Вот и охрип ты, встречая закат,
Не перешёл ты речной перекаат.

Голос горячий в прохладную ночь –
Разве он сможет под утро помочь?
Разве он нужен, чтоб тайну души
Выдать тому, кто тобою вершит?

Может, твой шёпот, скорее, чем крик
Женских ушей этой ночью б достиг.
Ну, а теперь ты свой голос сорвал,
Зря ты её на свидание звал.

Не зарастут любовные дороги...

Зброшу книги умные на полку,
Весной они не ценятся ни в грош.
Весной ругать любовников без толку,
Весной в леса стремится молодёжь.

13

Вот и у нас, в берёзовом околке,
Встречают пары то и дело ночь.
Луна, светло, хоть собирай иголки,
Азарт такой, что хочется помочь.

Обидно мне бывает не за это –
Что мне любовь их или нагота.
Покос мой топчут и весной, и летом.
Отгородиться давняя мечта.

Я привезу строительные блоки,
И уложу стеною, в полный рост.
Пусть зарастут любовные дороги,
Чтоб не топтали больше мой покос.

Но минул год, и наступило лето.
И вот – в жару и в морозящий дождь –
По блокам, как в Москве по парапету,
Гуляет вечерами молодёжь...

Узелок

Сыплет снег на полюшко,
Заметает след.
Вот ведь вдовья долюшка,
Одиночье лет.

Закуёт в лёд реченьку
Молодой мороз.
Протопила печеньку,
Накормила коз.

Черную коровушку
Ставишь в тёплый хлев,
Серому воробушку
Крошишь серый хлеб.

Русским сердцем добрая,
Белая лицом,
Верная, покорная.
На руке кольцо.

Серебрится скромное
Не на той руке.
Ешь еду скоромную
В уголке.

Грядки огородные –
Личный манифест.
Но мелькали годики –
Тяжкий крест.

15

Упаду ей в ноженьки,
 Попрошусь я в дом.
 Заплелись дороженьки
 Узелком...

Тихий подъезд, тихая улица,
Спит у подъезда развесистый клён.
Время пройдет и обида забудется,
Канув навек в безвременье времен.

Снова пройдуся у окна. Занавесками
Манит оно под свою паранджу.
Словно привязанный тонкими лесками,
Я под окном окаянным брожу.

Знаю, что утром, с лучами чудесными,
Всё растворится, как раньше, в дыму,
Ведь под окно твоё – солнце небесное –
Я не приду никогда, ни к кому.

Только напрасны мои обещания.
С тонким последним заката лучом
Как неизбежность моя – окномания –
Манит душистым своим калачом.

Время пройдёт. Соловьи голосистые
Ночью под окна меня призовут.
Где эти окна? И клёны душистые,
Может, как прежде, и светят и ждут.

Ах, если бы огонь случайных встреч
Мог и сегодня сердце мне зажечь!
Его неугасаемое пламя –
Как на ветру развёрнутое знамя,

17

Ждёт новых освежающих ветров
Для очагов, каминов, для костров.
Одно его дыхание могло
Разлить живое в комнате тепло,

Иль золу от кадящих пепелищ
Развеять среди дымящихся жилищ.
Но, милый ветер, принеси назад
Уютный и неповторимый взгляд.

Тебе дано и пламя раздувать,
И днём и ночью над землёй летать,
Порхая с пылью скошенных полей,
Срывать листву с дремавших тополей,

Дождём хлестать асфальт горячих трасс,
Амбре герани разливать с террас.
О, вольный ветер, снова принеси
Случайный взор. Терпеть уже нет сил.

Пускай среди обилия цветов
Лишь этот – отражение миров,
Растёт, напоминая о былом,
Под сосен нависающим крылом.
И в кронах тихо дремлющего леса
Шептал мне ветер милое – Олеся!

Из пуха козы рукавички
Я вёз вам в холодные дни,
Согрейте в них руки синички –
Пусть греются пухом они.

Теплом от согретых синичек
Отгадет тихонько душа.
Без ваших чернявых ресничек
Не стоит она ни гроша.

Тридцать девятое царство

Как Кощей, я чах над золотом,
Но, как страж, его хранил,
Словно в царстве тридцать девятом
Деву хитростью пленил.

Щедро сыпал комплименты,
Но одна была беда:
Я плевал на аргументы,
Что невеста молода.

Бился разум над бедою,
Сердце звало под венец.
Я шептался сам с собою
Про погибель и конец.

Зеркала увез из дома,
Фотографии порвал,
Ни друзей и ни знакомых —
Никого к себе не звал.

Шубы, серьги и картины
Бросил на кон. Так и быть!
Как хотелось именины
В пять десятков отменить...

Годы быстрые быстрее,
Мысли умные умней:
Хорошо, что стал умнее,
Не женился я на ней.

Говорят, поэты виноваты.
Не всегда, поверьте, не всегда.
Пламенем любви у них объята
Нежная, лиричная душа.
Иногда, о ком-нибудь тоскуя,
Загрущу без ласки женских губ.
С детских лет от влаги поцелуя
Я развратник, а не однолюб.
В тишине заброшенного края
Память прошлых лет ещё храню.
В пору удивительного мая
Никого напрасно не виню.
Пусть в соседнем саде расцветает
Молодая яблоня весной.
Лепестки отчаянно роняет
На ковёр мой нежно-голубой.
Пусть не дразнит, ветки обнажая,
Приоткрыв девическую грудь,
Мне сегодня нравится другая,
Как в далёкой юности – чуть-чуть.

Я не твоя

Да, я тебя люблю... Любовь моя повсюду...
К твоим губам равнодушен я,
А ты мне повторяешь, как верблюду:
– Я не твоя, теперь я не твоя!
Но ты любви моей не понимаешь,
Не знаешь ты любви моей.
И проходя, цветы рукой срываешь,
Цветы любви давно минувших дней.
Проходишь ты, и гимном похоронным
Листвой осенней ветер шелестит,
И наш ребёнок, сытый и довольный,
К тебе, ручонки вытянув, бежит.
Да, я люблю... Любовь моя повсюду...
К твоей груди равнодушен я,
А ты мне повторяешь, как верблюду:
Я не твоя, увы, я не твоя.

На золотой порог, на золотые клёны
Ложилась пыль дорог, а черные паслены
Росли под солнцем, зрели средь камней.
Гнилые стены тесовых сеней
От ветров стебли гибкие скрывали.
Их, робких, бури больше не терзали.
Веранда, ночью полная огней,
Что ты так поздно делаешь на ней?
Волшебница, колдунья - кто ты есть?
На стенах трав, под крышею - не счесть.
Отвары с наговорами, шептанье нежных губ...
Лечила ты любой людской недуг.
На подолах расшитых сентября
Твой труд.
Да, здесь трудилась ты не зря.
Заря от долгих трепетных ночей,
Краснея, становилась веселей,
Игра от теплых посланных лучей
Тотчас меня трезвила всё быстрее...
Нет! Ты меня тогда ещё не знала
И чувств моих к тебе не понимала.
Знал я. Хотел любить, тобой владея,
Признаться в чувствах в робости не смея.
И неизведанность моей души...
Нет! Прошное, прошу, не вороши.
Пускай о том заботятся другие –
Друзья и недруги, хорошие и злые.

Танцуй, танцуй

На рассвете с табором цыганов
Я умчусь в кибитке кочевой,
Под гитару молодых ромалов
Обрету души своей покой.
У костра, под небом звёздным самым,
Или жарким летом на траве
Мне деревья в поле станут храмом
С колокольней в дремлющей листве.
Помолюсь украдкой в этом храме,
Из ручья святой воды напьюсь,
И на юг Уральскими горами
Тайно за любимой проберусь.
Складки юбки молодой цыганки
С упоением ночью распрямлю,
На плече коварной куртизанки
Одинокий вензель наколю.
Увидав наколку, не на шутку
Разозлится старенький барон,
Плетью отхлестает незабудку,
А меня взащей прогонит вон.
Побреду полынными степями
Из Поволжья русского домой,
По дороге, выбитой конями,
Со своею сломанной ногой.

Будут черти мне в лесу казаться,
Будет Леший с бабою-Ягой...
Не хочу с цыганкой расставаться,
С дикой неприступной красотой.
Пусть барон усохшей сырмятью
Хлещёт по бокам с обеих рук.
Удиви, срази цыганской страстью
Молодых завистливых подруг.
Так танцуй по кругу, приседая,
Щёлкни пальцами, ещё, да так,
Чтоб цыгане знали, не гадая,
Ты любви и пламени очаг.

Марине Р

На окне большая роза,
За окном мороз и снег,
Занесенная береза,
Три сосульки – оберег.
Ветер свищет, завывая,
Бьёт и щелкает хлыстом.
На застрехе у сарая
Вьётся вьюга колесом.
А по озеру позёмка
Подметает тонкий лёд.
Соберусь-ка я тихонько,
Вот настал и мой черёд.
Дымкой в небо, невесомо
Легким облаком умчусь,
На соломенные крыши
Напоследок оглянусь.
Не скучай, лови удачу,
Отрекись от прежних нас,
Я теперь уже не плачу,
Что разбился мой баркас.
Жизнь на небе метеором
Без остатка пронеслась.
Молодецки и с задором
Новая звезда зажглась.

Напиши сегодня не от страха,
Напиши не почему, а для.
На груди разорвана рубаха,
А на ней наколочка твоя.

27

Было время, для твоей улады
Я ходил, чудак, на голове.
Ради поцелуя, как награды,
Кувыркался пьяный на траве.

Ты смеялась, только знаю точно,
Саркастичным был весёлый смех.
Почему душой своей порочна?
Почему не думаешь про грех?

Веселее думы, веселее,
Нужно всё негодное прогнать.
Будешь, может быть, со мной добрее,
Я узнаю, если подождать.

Подожду до завтра у калитки,
Может, выйдешь, верить не берусь.
У цыганской порванной кибитки
Я тобой, любимая, напьюсь.

Я не знаю, что сердцу милее,
Только гложет проклятая грусть.
Я люблю тебя, может, сильнее,
Чем до этого, Богом клянусь.

Платье вытащишь из шифоньера
Да по кругу пойдёшь танцевать.
Ты в постели такая холера,
Да и в танце тебя не унять.

На коня я уздечку наброшу
И полями к кострам ускачу.
Что мне в этой жизни дороже –
Крикнуть всем что есть силы хочу.

То ли жизнь непорочная, белая,
С золотыми крестами церквей,
Или ты, от любви очумелая,
С поволокой зелёных очей?

Улечу по степям непокошенным,
Не узнав половины в тебе.
Пробежала ты гостем непрошенным
По моей проклятущей судьбе.

Пусть трава под ногами не скошена,
Пусть цыгане поют до утра.
Молодую кобылу стреноженной
С моего уводили двора.

Девушка с лозой

О том, что было, горевать не стоит —
Ещё не облетел весенний сад.
Как раньше, у меня над головою
Цветёт, благоухая, виноград.

29

Лозой своею гибкой извиваясь,
Он обнимает стены, словно брат,
И вьётся нитью, камня не касаясь,
Сначала кверху, а потом назад.

Был шов лозы размеренный, стежками,
И повторялся ровно, как намёк,
Что скоро круг сомкнётся под ногами,
И этот час, наверно, недалёк.

Глядит ко мне в окошко, не стесняясь,
Тянущий к солнцу голову росток,
Моей руке безмолвно покоряясь.
Он, как и я, и сир и, одинок.

Коснись меня своими лепестками,
Моей груди, и губ моих, и щёк.
Я теплыми ладонями-листами
Согрею твой цветущий стебелёк.

Ты, как и я, проделав путь немалый,
Всё тянешь к солнцу молодой цветок,
И ищешь лучик солнца запоздалый,
И жадно смотришь утром на восток.

Услышь меня и обними за плечи,
Обвей мой стан у этого окна,
И листьями под ветром в этот вечер
Шепни о том, что на дворе весна.

Страсть

В ресторанной страсти пребывая,
Я, увидев вас, не узнаю:
Вы не та, что были, вы другая.
Ну, а я, по-прежнему, пою.

31

Строги платья ваши и костюмы,
Коль мужчины пригласят к столу.
Только хмуры лица их, угрюмы,
Голоса – железо по стеклу.

Мне бросают на подмости сотки,
Но не им, лишь вам я здесь пою.
Я смешон в своей блатной походке,
Но зато не бабник и не пью.

Возле вас я псом ночным залаю,
Как собака, возле ног умру.
Мне казалось, я давно вас знаю
И себе давно уже не вру.

В неуёмной страсти есть начало,
Есть любви волнующий венец.
Я просил у вас всегда так мало,
И любил вас страстно, наконец.

Зря лишь только память растревожив,
Я всё верю и чего-то жду.
Всё милее вы мне и дороже
На моё несчастье и беду.

Мне в карман засовывали сотки,
Доллары, конечно, не рубли.
Но не денег ждал я, и не водки,
А улыбки вашей и любви.

Не судите, девки, строго
За короткую любовь.
Ждёт меня теперь дорога
В удивительную новь.

33

Приходите попрощаться
Под вечернею звездой,
Я не стану выражаться
И дымить, само собой.

Лишь для вида самокруткой
Перед всеми похвалюсь.
С кареглазою Анюткой
Незаметно удалюсь.

Над старой башней Гедемина,
Как перезревшее вино,
Трепещёт знамя из поплина.
С серпом и молотом оно.

И как литовец поневоле,
Тем знаменем благословлён.
Я был уже в начальной школе
В литовку гордую влюблён.

В беспечной юности казались
Забавы наши навсегда,
Но годы школьные промчались,
Прошла весёлая пора.

И по сибирским гарнизонам
Свою карьеру начал я,
По снежным зимним полигонам
Гремела артиллерия.

В минуты редкие привала,
Расположившись на траве,
Рука невольно доставала
Письмо заветное к тебе.

Мое посланье – словно очерк,
И в нем портрет твой вижу я.
Но разберёшь ли ты мой почерк,
Ядвига славная моя?

35

Своей судьбою офицера
Я обольстить тебя не смог,
Литва из СССРа
Уже бежала со всех ног.

Литва теперь в Евросоюзе,
А я в гражданке, без погон.
Рассказываю новой музе
Про наш военный полигон.

Вино за края

Ах, что-то сегодня не спится.
И думы - что стяг на ветру.
Истошно заушает птица
Напротив в сосновом бору.
От стен холодок отделится
И даст мне, бедняге, понять:
Никто больше не воротится,
Чтоб просто прижать и обнять.
Никто не разбудит в начале
Счастливого летнего дня.
Со мной изощренно играли,
Приманкой искусно дразня.
Игре озорной потакая,
Я часто не верил в себя
Смеялась ты вся, молодая,
Другого украдкой любя.
Манила, улыбкой сверкая,
Плеская вино за края,
Свечой восковою сгорая
В истоке угасшего дня.
Пускай холодок отделится
И даст мне сегодня понять:
С Востока другая зарница
Любовью мне станет пылать.

Я люблю, когда до края
Рюмка красного вина,
Или бочка у сарая
До краев наполнена.

В сеновал набито сено,
У плетня поленья дров.
Чтоб не тайная измена,
А красивая любовь.

Если в погребе картошка –
То до верха закромов.
Если русская гармошка –
До растянутых мехов.

Натопи пожарче печку,
Пар на каменку поддай,
И с мостка с разбегу в речку,
Распалённая, сигай!

Пусть она, как наша бочка,
Тоже будет до краёв.
Пусть запомнится мне ночка,
От твоих любовных слов.

Пусть не оставит провиденье
Меня в заброшенном краю,
Пишу тебе стихотворенья
И за любовь благодарю.

В душе и ныне праздник мая,
Хотя на улице январь.
Ты снишься, снова молодая,
Листаешь старый календарь.

Под скрепом ржавым неизменны
Полуистлевшие листья,
Но мне до боли сокровенны
Тобой сожжённые мосты.

Галопом мчится нынче время.
И вот, в осенний шум берёз,
Младое поднималось племя
С мечтами юношеских грёз.

Нет, не оставит провиденье
Меня в заброшенном краю.
Я за своё предназначенье
Всевышнего благодарю.

Ревнивец

Сначала шли мы шагом в шаг,
И было ровное дыханье.
И я тащил его рюкзак,
Как будто душу на закланье.
Не то он чая пожалел,
Не то обувка ноги жала,
Но только в спину мне сопел,
Да и рука приклад сжимала.
За мною он не поспевал,
Угрюмым был и молчаливым.
А я же песню напевал,
Хотя и знал – он был ревнивым.
Прошедшей ночью у костра
Зло захватил меня ручищей,
И он не слышал ни черта,
Как глухарь на токовище...
Конечно, были мы в гостях,
Конечно, было – водку пили.
Ну, и, конечно, в горячах,
Мы бабу с ним не поделили.
Сначала шли мы шагом в шаг,
И было ровное дыханье.
Я даже нёс его рюкзак,
Как будто душу на закланье.
Но только ангел торопил:
Ты оглянись назад скорее...
За ствол ружьё его схватил,
И дробь прошла чуть-чуть левее.

Перезревшее вино

На пороге утром встанешь – иней,
красный лист планирует с осин.
От мороза воздух бело-синий,
Огороды полные рябин.

В тишине, туманами покрытый
Спит пока ещё зелёный сад.
Всеми, даже Богом позабытый,
С диких лоз свисает виноград.

Подожди, побудь со мной немного.
Впереди у нас с тобой зима,
В перелетах долгая дорога,
Снежная от ветра пелена....

Наши встречи вспомни вечерами,
Вспомни все мои тебе слова.
Тёплыми кубанскими ночами
Не болит с похмелья голова.

Лишь вино игривое в бокале,
Молодое терпкое вино.
Знатоки станичники сказали,
Что из бочки первое оно.

Улетаю, Таня улетаю,
Мне теперь ведь стало всё равно.
Я на водку, Таня, обменяю
Наше перезревшее вино.

Подружка

Закончена пирушка,
В бокале кровь вина.
В салате спит подружка,
Бессовестно пьяна.

Играют музыканты
Забывтое танго.
Спешат официанты
С посудой грязной. Но...

В салате спит подружка,
Бессовестно пьяна.
Она была игрушка,
Теперь почти жена.

Под ветром осени качаясь,
Роняю годы в бездну. Грусть.
К земле ветвями наклоняясь,
К тебе я больше не вернусь.

По диску времени кочуя,
Я здесь, и вот он, мой причал.
Прости, что о тебе тоскую,
Напрасно мучился и ждал.

Ещё не все иссякли годы,
Но все же буду начеку.
Любовь, как часть моей свободы,
Я в сердце точно сберегу.

Ну, вот, внизу последняя песчинка,
И вновь стеклянной колбы разворот.
Ты где теперь и с кем, моя Маринка,
И чей теперь любить тебя черед?
Увяз в делах, похоже, безнадёжно,
Талант писать похоронив навек.
Мне бизнес здесь оставить будет сложно
На замов, секретаршу и коллег.
Спешу к тебе по почте, виртуально,
Не балуя словесной красотой,
Мне не хватает времени банально
Чтоб наслаждаться, милая, тобой.
Слова любви пишу тебе я свято,
В них сожаленье, робость и печаль.
Ты, как всегда, ничуть не виновата,
И выше похвалы твоя мораль.
Забыв объятья прежних хулиганов,
В других руках ты коротаешь век.
Иловишь взгляды молодых жиганов,
Мечтая тайно совершить побег.
И пусть внизу последняя песчинка
Скользнёт по колбе сломанных часов.
Я променял тебя, моя Маринка,
На тишину озёрных берегов.
Несёт река из гор алтайских воды,
Впадая с шумом в кварцевый чертог.
Привет тебе, приют моей свободы,
Тебе, намытый временем песок.

Как к воде умиравший от жажды,
Как на рынок с корзиной цветов,
Все спешим, и в отдельности каждый,
Удивляя игривостью слов.

И теперь, запинаясь от страсти,
Перепрыгивая через слог,
Как огонь вырывался из пасти
Мой под утро рождённый стишок.

Хорошо, что давно по тревоге
У меня припасён вещмешок,
И привык я в пути, по дороге,
Полизать на ходу сахарок.

Но не утром объявят тревогу,
И не в ночь, чтобы спутать сапог.
На свою белоснежную ногу
Не портянку одену – носок.

Никогда я теперь не забуду,
Как звала с перекрёстка дорог
Добродушная девушка Люда
К новым книжкам к себе на порог.

Ей, конечно, не быть старшиною,
Слишком ласковый голос её.
но стишастою нашей волною
Мы ей песни ещё пропоём.

45

Потому до осеннего цвета
Ты ещё нас к себе позови:
От известного всеми поэта
До, конечно, меня – визави.

Начнёшь ли свой день с поцелуя,
С улыбкой проходим в окне,
На влажном окошке рисуя
Лучи уходящей весне.

От яркого солнца кочуя,
Лучи бы искрились в вине,
В прохладном бокале рискуя
Закончить земное на дне.

Но пасмурно, сыплет крупую
Зима постаревшая вслед,
Укрыв напоследок парчою
Тобою оставленный след.

Я долго боролся с пургою,
Вчерашнюю тропку искал,
Нащупывая под ногою
Всё то, что и не потерял.

Подай мне, любимая, знаки,
Сверкни в приходящей весне.
Я лучше служебной собаки
Найду поцелуй на окне.

Я встречал тебя с букетом
У порога древних стен.
Поделись своим секретом
И возьми любовь взамен.

Принакрой лицо парчою,
Опусти стыдливо взор.
Нежной белою рукою
Отодвинь преграду штор.

Улыбнёшься – не замечу.
А заплачешь – не пойму.
Покоряясь, не перечу
Я приказу твоему.

Весь букет мой, без остатка,
По цветам скорей раздай,
А потом, таясь, украдкой,
От обиды зарыдай.

И подтает под ногами
Бурый снег от жгучих слёз.
Мокрой лужей под ногами
Растеклись остатки грёз.

Я ушел, а ты осталась
В окружении цветов.
Неумело целовалась,
Неумело улыбалась...
Я расплакаться готов.

Ну, что, расстаёмся? Опять все сначала,
Опять одиночества серая грусть.
А ты... тихо мне отвечала:
Не любишь меня, ну, и пусть.
Раскаты весеннего грома не смогут
прервать нашу давнюю связь,
Дожди бесконечные снова помогут
Замыть застаревшую грязь.
Ты ждешь у окошка, слезу утирая,
Но белая скатерть – на стол,
И узкая тропка от дров у сарая,
Да сумки на вымытый пол.
Вернулся, не прав был с тобою, не спорю,
Другая восходит заря.
Мы ездили вместе к любимому морю
С тобою, наверно, не зря.

Мне писать про любовь –
Только мучиться,
Искусаю я губы в кровь.
Молодая моя попутчица
Без конца говорит про любовь.
Улечу от погоды-невзгодины
И оставлю тебя одну...
А теперь вот про малую родину
Вижу сны я, когда усну.

Скажи: люблю...

Скажи: люблю! Довольно лицемерия,
О, проводник, о, путеводец мой!
Ведь если в прах рассыпалась материя,
То что творится с раненой душой...

51

Скажи: люблю! Напрасны опасения.
Я, как слуга, как раб перед тобой.
В моём костре промокшие поленья
Ещё дымят полоской огневой.

Скажи: люблю! И по-другому в чтении
Зажжёт глагол расплавленной строфой,
Чтоб в безупречном стиле и умении
Раскрыть талант любви перед тобой.

Скажи: люблю! И вот вам оглавление,
Вот пьедестал желаний и покой.
Но дай мне бог чудесного везения
Любви не встретить больше роковой.

Откровение

Я бы взбил твои перины,
Только нет таких перин.
И на стол поставил вина
Из рубиновых рябин.
В зной поил тебя росой
И у господина молил,
Чтобы с влагою ночью
Он тебя благословил.
Пел тебе свои куплеты,
И тобой одною жил,
И невкусные котлеты
Обязательно хвалил.
Но тебе, моя отрада,
Без заботы, без труда
Доставались горы злата,
И посуда с серебра.
И ржавел мой крест из стали,
Что к воротам твоим прибил.
И с вершины освистали
Те, кто сроду не любил.
Пусть по-прежнему сверкает,
Как любви желанной крест,
Пусть под ним любовь узнает
Недолюбленный поэт.

Май холодный, в небе тучи,
Одинокая звезда...
Я стихами Вас замучил.
Но года, года, года...

Для чего, слова рифмуя,
Я кладу их строки в ряд?
Ожидаю поцелуя,
Как и десять лет назад.

Но напрасно в ожиданье
Выхожу на тонкий лёд,
Не придёте на свиданье,
Знаю точно, наперёд.

Затрещит под мною льдина,
Забурлит под ней вода,
Обласкает ноги тина
У обрывистого дна.

Пропадёт в воде без толку
Поэтический талант.
Опознает мать наколку,
Как знакомый фолиант.

Май холодный, в небе тучи,
Одинокая звезда.
Я б стихами Вас замучил
И у илистого дна.

Обещание

Когда ночной зефир желанный,
Тревожит струны бытия,
Огонь любви, огонь желанный
Жжёт дерзким пламенем меня.
Костер горит неотвратимый,
Но греет руки у костра
Один, другой – тобой любимый,
Но нет, давно уже не я!
В свету огня, его сияний
Счастливых лиц не различить,
А в череде воспоминаний
Лишь обещания любить.
Напрасны были обещанья,
Ведь на конце испетых строк
Дорог наивные скитанья,
Душе открывшейся урок.

Вечер, поздно.
На улице ветер.
Скрип знакомых, бесстыжих ставней.
Я вчера вас ещё не заметил,
А теперь нет на свете милей.
И за окнами свет понемногу
Освещает отточенный стан,
Снова падает мне на дорогу,
Как с буфета гранёный стакан.
Звон стекла и осколки под ноги,
И кровавые в кухне следы...
Открываю, а вы на пороге,
Как предвестник грядущей беды.
Ну, зачем появились вы снова?
Успокоилась вроде душа.
У меня возле хлева корова.
И живу я теперь не спеша.
У меня огород вечерами
И по горло домашних забот,
И крещу я теперь образами
От зевка перекошенный рот.
Все прошло. Я не жду повторенья,
От ошибок пусть плачет другой.
И по банкам литровым варенье
Разливаю тяжёлой рукой.

Соседка

Наклоню у тополя
Молодую ветку
И украдкой гляну я
На свою соседку,

Как с мостка у бережка,
У зелёной рощи
Ждёт любимого дружка
И бельё полощет.

Уж два раза полоскала,
А его все нету,
Громко песню напевала:
«Где ты, милый, где ты?».

Хорошо, у тополя,
Как бумага, листья.
Я ей из укрытия
Запускаю письма.

Обернись, соседка,
В тополиный край,
Ты будто ранетка,
Что цветами в май.

И платочек белый,
И кайма на нём,
Только я несмелый,
И робею днем.

Выйди на пригорок,
Развяжи платок,
Я ведь тем и дорог,
Что любить бы смог...

Разлука

В час предутренней разлуки
Ты скажешь просто и легко,
Что у тебя замёрзли руки
И что живешь ты далеко.

Положишь мягкие ладони
Мне на волнительную грудь
И тихо скажешь, что любовью
Ещё займёмся как-нибудь.

«Не провожай меня, не надо!
Ещё увидимся, поверь!»
Но я крадусь под тенью сада,
Как жертву скрадывает зверь.

Между деревьями ступая –
Мне до ворот недалеко –
А там с тобой стоит другая
В красивом розовом трико.

Тебя за шею обнимает,
Целует в губы горячо
И ярким плодом покрывает
Чуть оголённое плечо.

«Ждала тебя ещё с субботы!» –
В тени деревьев слышу я.
И уж смеётся без заботы
Их однополая семья...

59

Бегу из сада, спотыкаюсь,
И волком вою, воздух пью,
И поскорей забыть старюсь
Любовь недавнюю свою.

Вот почему ты говорила
Так откровенно и легко,
Что до меня уже любила.
Но не сказала мне, кого...

– Выпей, выпей со мной вина,
Чем скучать этим томным вечером!
У распахнутого окна
Все равно больше делать нечего.

Шелестят листвой тополя,
Под лучами солнца согретые.
Я налью, чтобы за края
Полилось оно с песнями спетыми.

– Ах, с тобой бы выпила я,
Чем сидеть с тоской над газетами.
Но прочитана жизнь моя
Вот такими, как ты, поэтами.

Выпит, выпит из тела сок
С голубыми утра рассветами,
И бегут от меня со всех ног
Те, кто сыпал вчера монетами.

Не зови меня больше, дружок,
Хоть и кажется, делать нечего.
И допей сам на посошок.
Ничего нет на свете вечного.

С табунами по степи кочуя,
Рассыпаю по осколкам грусть.
Каждый день ветра в уста целуя,
Я к тебе уж больше не вернусь.

61

Ты, орда, меня теперь встречаешь,
Кормишь пловом, варишь бешбармак.
В стремена свои меня сажаешь,
Мол, святой и древний газават.

Вот и конь мой рыжий рвёт уздечку,
из горячих рук...
Встречу черноглазую узбечку –
вдруг...
Яркие цветы её халата
В масть –
Как тогда была на нём распята
Страсть.

Я с ветром летать научусь

Когда небесные светила
Полны сияний в час ночной,
А вдоль реки полоска ила
Манит кристальной чистотой,
Ища в природе совершенства,
Парит мой ангел надо мной,
Решая, кто возьмет главенство –
Пророк небесный иль земной.
Пока его решенья жду я,
В воде купается со мной
С благословенным «Аллилуйя»
Бродяга-месяц золотой.

Февралю

Мороз за тридцать. Далеко до лета!
Сжимаясь, рвётся от мороза сталь.
Морозов хватит, а нехватку снега
Ещё вернёт подвыпивший февраль.

65

Ещё не раз, нахмуясь, сгонит тучи,
Всклопочит ветром присмиривший стог,
И шапку снега вьюгой нахлобучит
На куст рябины, словно оберёг.

Короткий месяц! Мне он стал милее.
Ведь в веренице проходящих дней
Мне в ожидании теплее и теплее,
И сердцу в ожиданье веселей.

И, поднимаясь чередою лестниц,
Предпочитая лености азарт,
Я полюблю последний зимний месяц,
Как полюбил весенний месяц март.

Тоской своей я страсть не нарушая,
Печным теплом обласкан и согрет.
А он, хмельной, хмельному подпевая,
Через трубу передаёт привет.

Цветок воды

Застыли в позе вольные причалы
И не шумят прибой стылых рек.
Всё глубже сквозь прозрачные зерцалы
Я вижу жизнь и смысл донных нег.

Утихли утром на стремнинах воды,
Закован льдом их трепетный разбег.
И лишь с теченьем кружит хороводы
Подросший летом молодой побег.

Один он здесь! Один!
Лишь скользкий камень
Хранит его у заводи, на дне.
И тонкий лёд прозрачный между нами,
Как лист стекла, играет на окне.

Любуюсь я образчиком лазури.
Цветок воды, в тебя влюбился я.
И нипочём тебе шальные бури,
Морозы и февральские снега.

В тебе, цветок, тепло земной природы.
Под тонкой коркой молодого льда
Пусть до весны с тобою хороводы
И дальше кружит быстрая вода.

Отцвела рябина,
Отцвела сирень.
В частоколе тына
Белая кипень.

Испугался ветер,
Прилетевший с гор,
Он и не заметил
Лепестковый сор.

Он цветы сирени
Только обнимал,
И гулять из тени
На свиданье звал.

Корни-щупальцы глубоки,
Кроны-шапки высоки.
Истончились ваши сроки
У болтающей реки.

Заострю я свой топорик,
Подрублю стволы их белы.
Затеняют ветки дворик
Своим ростом очумелым.

Растрезвонила в долине
Речка ивам про такое,
И свисающей рябине,
Что в стремнинке ноги моет.

Ивы ветки опустили,
Ветру в пояс поклонились,
И, зардевшись вдруг, рябины,
Вместе с ними помолились.

Гнулись до земли берёзы,
И хлестали ветки голы...
Хохотали рядом плёсы
Речки голосом весёлым.

Ветер

Мчится по полю проказник серебряный,
Рожь переспелую жнёт,
Словно любовник, любовнице преданный,
Травы зелёные мнёт.

69

Гнутся они, головами покорные,
Листьями нежно шуршат.
Стелют постели цветные, узорные,
Волнами счастья манят.

Чуть шевельнёт на окне занавесками,
Влагой ночной обоймёт,
Свесится ветка берёзки с подвесками
С медом расплавленных сот.

Я на руке приласкаю медовое,
Я молодое люблю.
Что мне старинное! Мне бы всё новое,
радость пришедшему дню..

Замечталось в сибирское лето:
«Вот бы жар нам такой навсегда.
Ведь тепло на экваторе где-то,
А у нас холода, холода...»

И тогда мы работу забросим,
Нам гораздо удобней в тени.
По привычке тоскливую осень
Будем ждать в уходящие дни.

Но она не придёт на рассвете,
Не осыплет листьями в бору,
Не везде есть места на планете,
Где листва облетает в жару.

Что мечты? Уж давно отмечтали
И противными стали в мечтах:
Золотая трава и сандалии
На облезлых от солнца ногах.

Мне не солнца – тепла бы немножко,
Чтоб в осеннюю грустную рань
Накопать в огороде картошку
Под нетрезвую русскую брань.

Пчела

Солнышко утром к зениту торопится,
Снег на пригорке блестит,
Пчёлка из домика – божья работница –
В поле работать летит.

71

Тёплые ветры цветами повеяли,
Сладким нектаром манят.
И зацвело, что по осени сеяли.
Воздух – густой аромат.

Жёлтым цветком распушилася вербочка,
Пчёлку примерную ждёт.
Ласточка с неба весеннюю весточку
Нам с щебетаньем несёт.

Вечер задумчивый быстро приблизится,
Свежесть с логов принесёт.
Верба цветущая, ранняя житница,
Дарит свой вербовый мёд.

Сладок бывает и воск перетопленный –
Струйкой телесной бежит.
В свечах церковных фитиль, хлопком сотканный,
Пламенем ясным горит.

Тёплые ветры нектаром повеяли.
Мёдом весенним пьянит.
Всё, что осенние ветры посеяли,
Красками ярко горит.

Пчёлка златистая – божья угодница,
Пусть твои крылья звенят.
И бережёт в алтаре Богородица
Мёдом наполненный сад.

Мне жарким был благоуханный юг,
Холодным был невыносимый север.
Лишь этот край – мой родственник и друг,
Где в соснах слышу дятлов перестук.
Где, как ковёр, цветёт сибирский клевер.

73

Я вспоминал про родину свою,
Когда тоска от света заслоняла,
В жестоком, солнцем выжженном, краю
Жизнь смысл свой от сытости теряла,

И я уехал. Нет, я убежал.
Закрыв на засов поплотнее дверцы,
Пустив слезу, прикидывался, врал,
Что там жара и тяжело для сердца.

Манил меня и север чистотой,
И сопками, и лесотундрой.
Но я гордился нашей красотой!
Такой живой божественной и мудрой.

И я душою выбросился в май,
А тело жить бы в феврале оставил...
О, мой сибирский кемеровский край!
Своей любви к тебе я не убавил!

Планета первозданная, живи!
Ведь про любовь к тебе я не слукавил.
Пусть пропоют мне в мае соловьи,
Не нарушая заведённых правил.

Тихо. Ночь. Я в пору листопада
Всё бреду один среди машин.
Никакого золота не надо,
Дайте ягод мне с моих рябин.
Часто, часто с грустью вспоминая
Край родной, я вам не изменял.
У рябины голову склоняя,
Я чужую землю проклинал.
И берёзы искренне, привольно
Хоровод кружили у воды.
К вам вернулся я, и мне довольно
Вашей необъятной белизны,
И сосна, что ствол свой наклонила,
Я ей тоже кланяться готов –
Ты меня к своим ветвям манила
От чужих постылых берегов.

Подсолнухи

Вот встану утром с солнышком!
И босиком к окну!
Любуюсь я под солнышком
Златистому руну.
Пусть гордую головушку
Он к солнцу повернёт,
И листья, как лебёдушку,
Луч света обойдет,
А маленькое солнышко
Уж светом золотит,
На зреющее зёрнышко
Воробушек летит.
Клюет зерно незрелое,
Роняя шелуху.
И обнажает белое,
Молочное, в пуху!
Не сыпь, не сыпь, воробушек,
Незрелое в бурьян,
Не будет для ребяташек
Зажаренных семян.
Зимою скуку долгую
Без них не скоротать,
Столешницу широкую
Без них не заплевать.

И только по подсолнухам
Узнают про село.
Здоровым нашим воглухом
Дышу я на стекло,
По головам подсолнухи,
Не смог бы подсчитать.
Но день проходит. Всполохи
Начнут в ночи сверкать.
Опустят шляпы-головы
В покорности своей,
Короной коронованы
На славу летних дней.

Осень долгая, рыжая, прелая.
Первый снег от зимы – как привет.
Сыплет с ветрами яблоня спелая
На ковёр перезрелый ранет.
Будят ставни протяжными стонами.
Ночью выйти не хочется. Страх.
Под широкими старыми клёнами
Вольный ветер, как страж, на часах.

Таёжник

Затянуло ряской обмелевший пруд,
Думаю с опаской: зазимую тут.
С севера тревожно дунули ветра,
Первый снег крупую высыпал вчера.

79

Отпущу собаку с кованых цепей.
Я, как ты, в неволе, я ведь сын степей.
У таёжной речки коротая дни,
Мы с тобою, псина, тут живем одни.

Пробеги кустами, разбуди тетёр.
Не облаешь, знаю, ох и пес хитёр!
Стережешь добычу у ствола сосны,
Я у теплой печки вижу третьи сны.

Старое ружьишко смотрит со стены,
Но хранит молчанье в дебрях тишины.
Запахи полыни с ветром в зимовьё,
Расплылась улыбка на лице моём.

Путником таёжным я к степи уйду,
И с размаху брошусь в нашу лебеду.
Пусть меня баюкают ветки бузины,
Я бы здесь, таёжник, досмотрел все сны.

Ты помнишь холмы Аламбая?
И я их ещё не забыл.
Мне ветер, с холмов подпевая,
О них, торопясь, говорил.

И звал в салаирские рощи,
И влагой таёжной манил,
По первой осенней пороше
Под ноги иголки стелил.

И хлопали листья в ладоши,
Которые он не щадил.
И ветру навстречу я тоже,
Пытаясь взлететь, выходил.

И ждал поцелуй меня влажный
За каждой скалистой грядой.
И я, как таёжник отважный,
Спешил в Аламбай в выходной.

Мотив свой под нос напевая,
Мне ветер упрямо твердил,
Что часто над миром летая,
Лишь там бы он гнёздышко свил.

И дул распалившийся встречный,
И дальше тайгу мне хвалил,
А я, как таёжник беспечный,
«Успею!» – ему говорил.

81

В агонии ветреной «Знаю!» –
Ему прокричал я навзрыд.
Ты лучше скажи Аламбаю,
Что здесь заедающий быт.

Но я надоевшее брошу
И с ветром свободным умчусь.
По первой осенней пороше
Я с ветром летать научусь.

Утро будит тишиною,
Но над озером туман.
Дремлет ива над водою,
Замочила сарафан.
Красной краскою восхода
Прикрывало солнце луг,
А на жердях огорода
Звал петух своих подруг.
Пел, от страсти надрываясь,
Хлопал радостно крылом.
Этих песен опасаясь,
Я накроюсь зипуном.
Дай поспать ещё немного,
Не тревожь мой сладкий сон.
Голосистая гармошка
Поднатёрла грудь ремнем.
Как петух, и я, играя,
Раздувал её меха.
На колоде у сарая
Зарубили петуха.

Молодому ростку

Снег на талую землю лёг,
Забелил у ручья мосток,
У заросших речных проток
Камыши нарядил в платок.
У крыльца моего порхал,
Щедро сыпал грусть на порог,
Белой краскою покрывал
Колею полевых дорог.
И с порога знакомый след –
Заметала его пурга.
Сколько в прошлое долгих лет
Уносила под лёд река...
Розовел поутру восток
И будил краснотой ветра,
Под растрепанный им платок
Скрип колодезного ведра.
Рассыпай семена с берёз,
Чтобы всходами в новый срок
Из земли молодой росток
Под весенним теплом пророс.

Ну, привет, ненасытная осень!
Я твой поджидаю ветра.
Под макушками шепчущих сосен
Я качаюсь, хмелея с утра.

Сбросят первыми листья осины,
И берёзки осинам под стать.
Обнажите фигурки, рябины,
Покажите-ка девичью стать.

Словно перья диковинной птицы,
Буро-красные, жёлтые, в масть...
Развесёлые только синицы
Прилетели в осеннюю пасть.

Не страшат их дожди с холодами,
Первый снег и бескормицы страх.
Наслаждайтесь, синички, плодами
В позаброшенных нами садах.

Нам теперь переждать непогоду,
Чтоб вас песней весною встречать,
Под бегущую талую воду
Всё опять с наслаждением начать.

Чую, близок час заката!
День блеснул и сгинул прочь.
В этот час была зачата
Наступающая ночь.

85

Степь горит своей полынью,
И бутоном манит дрок.
Нескончаемую синью
Дразнит сонный василёк.

Вот и маленькой былинке
Запасть терпением впрок,
Ведь с небес к её росинке
Опустился мотылёк.

Он бесшумно сел в овраге,
Сложил крылья за спиной
И припал губами к влаге,
Как к любовнице молодой.

Напои его росою,
Ведь бедняге невдомёк:
Завтра ждёт его жарою
Обжигающий денёк.

Степь ещё горчит полынью,
И расцвёл, желтея, дрок.
Это с неба новой синью
Занимается восток.

Стог

Потемнел дождём пролитый сена стог,
Провалился, наклонился и промок.
Позабыли в сенокосы про него,
И травища возле стога ого-го.

Далеко он от наезженных дорог,
И дошел бы, добежал бы – да без ног.
А зима придёт, засыплет снегом лог
И закроет все дороги на замок.

Хорошо бы в сенокосную жару
Оказаться на пригорке, на яру.
Но приходится за колками стоять,
Ничего ему сквозь ветви не видать.

Сточат мыши сено спелое в труху.
Он бы крикнул – только крикнуть-то кому...
В зиму с белыми метелями уснет,
Вьюга снегом до макушки занесет

Ждёт весну росток

Завалило город снегом —
Парки, улицы, дома.
Тонким молодым побегом
От горшка тянулся я.

Из земли, листьями к свету,
Под лучами солнца рос.
А за стёклами с рассвета
Рисовал узор мороз...

Проходили мимо люди,
Пробегали чьи-то псы,
Горы снега, как верблюды,
В ожидании весны...

А весна, она неожиданно
Зазвенит водой ручьёв,
Заиграет мне сопрано,
Я пойму его без слов.

Задрожит от ветра рама
С тёплым ветром тонких струн.
Не жалею весны ни грамма,
Я ещё и глуп, и юн.

Подрасту, и от печали
Не останется следа.
Ставни крыльями качали
И поддакивали: «Да!»

Унеси меня, ветер

Расскажи-ка, ветер, отчего
Постучался ты в моё окно?
Расскажи, зачем на мой порог
Носишь пыль изъезженных дорог?

На какой, скажи, взлетев утёс,
Сыплешь листья золотых берёз?
Из каких таинственных полей
Распугал уснувших журавлей?

Чей сегодня в поле тонкий стан
Обнимал сквозь нежный сарафан?
И с какого берега, скажи,
Ты доносишь мне шуршанье ржи?

Меж ставней, скрипучих, пролетал,
Подпевать их, сонных, заставлял.
Ну, зачем, скажи, в полночный час
Мне звучал твой одинокий бас?

Подними меня, как журавлей,
Унеси отсюда поскорей,
Чем ночами беззаботно спать,
Мне с тобой бы, вольному, летать!

Песни ветра

Слышу спокойное ветра дыхание,
Шелест зелёных ракии.
Может, сегодня и мне «До свидания»
Вам прошептать предстоит?

89

Сяду у берега в травы пушистые,
Песню в ночи запою.
Спойте со мной, соловьи голосистые,
Грустную песню мою!

Тянутся к северу горки лесистые
В богом забытом краю.
Реки холодные, звонкие, чистые,
Я вас, как прежде, люблю!

Только не верится в это свидание,
Я обещањями сыт.
Видно, придётся пропеть на прощание
Псалом хвалебных молитв.

Арфы, играйте во мне, вдохновенные,
Спойте в холодной ночи,
Чтобы в Давидовы песни заветные
Душу мою облачить.

Пурга

Если солнце скроют тучи
И накроют темнотой,
Если встанет снег колючий
Серой плотною стеной,
Может быть, что на пригорке
Волки серые стоят.
Или, может, это ёлки
Мирно выстроились в ряд.
Ёлки тоже серым цветом
Стали в снежной пелене.
Я узнал бы их с рассветом,
При сияющей луне.
Только долго до рассвета,
И поёт в лесу метель.
И слышался мне где-то
Ржавый скрип дверных петель.
Ветер песни пел, буянил,
Двери скрипом отворял...
Я треух свой приосанил,
Направленье к скрипу взял,
И аршинными шагами
Споро к цели зашагал.
Снег не чуял под ногами,
Темноты не замечал.

Показалось, будто сзади
Кто-то злобно зарычал.
Помогите, Бога ради,
На весь лес я закричал.
Через палки и коряги,
Через брёвна и кусты,
Я бежал, сбивая чаги,
Рвал пожухлые листы
Вышел из лесу к дороге,
Отдышался, наконец,
И закончились тревоги,
И страстям настал конец.
Дом свой маленький из леса
Я с испугу не узнал...
Так какого же я беса
Испугался и бежал?
Под пургою в сером цвете
Дом чужим казался мне,
Хорошо, что на рассвете
Двери скрипнули в петле.

Веточка

Срежу у вербы я веточку
В медный стакан опущу.
Леса пушистую деточку
Чистой водой угощу.

Пусть деревянная веточка
Пустит в воде корешок,
Добрая будет приметочка,
Если родится листок.

К берегу озера синего
Веточку нежно снесу.
Дёрн травянистый раздвину я,
В землю её посажу.

Станет зелёная веточка
Стройным, большим деревцом.
Птичка певучая-пеночка
Тонким споёт голоском.

Орхидее

Много писать не сумею,
Бросить бы эту возню.
К лету, небось, одолею
Грустную песню свою.

93

Белый листок – вот затея –
Дряхлой рукою возьму.
Вздрогнет листом орхидея,
Глядя на улицу в тьму.

Он розовеет утрами –
Вот бы на волю цветку.
Ну, вот подумайте сами!
Грустно в потемках ему!

Я приоткрою окошки,
Сможешь бежать – убеги,
Только оставь на ладошке
Розовым цветом цветки.

Вздрогнет листом орхидея,
Будто кричит: остаюсь!
Значит, до лета успею,
Песней своею напьюсь...

Остатки осени, всё тоньше календарь.
В руках пытит заботливый дымарь.
Запру леток у дремлющей пчелы:
Дни сбора мёда ваши сочтены.
В сухой омшаник бережно снесу
Под шелест листьев в золотом лесу.
Крепчал сибирский ветер-ветерок,
Стучал в стекло избушки мотылёк.
Да не стучи ты крыльями, постой!
И залетай на зиму на постой.
Замрёшь, забившись где-то тихо в щель,
Запретивший сруб теперь твоя постель.
До тёплых дней весенних на двоих
Зимовье наше возле старых пихт.
Пусть заметёт под крышу нас пурга,
Пусть от мороза заболит нога,
Я буду ждать с надеждой новостей
От прилетевших стайками грачей.
Ты, мотылёк, пробудишься от сна.
Давай, вставай! Ведь за окном весна!

Частицей утреннего света,
Теплом манящая звезда,
Огнём горящая комета
Слепишь, бывает иногда.
В лучах таинственно блистая,
Мелькнёшь в предутренней заре,
С другими звездами играя,
В полёте радуясь игре.
Игру твою не понимая,
Мы молча смотрим в небеса.
А ты, проказница младая,
Творишь в пространстве чудеса!
То запалишь сухое древо,
То светом ярким ослепишь.
Фигура справа, тень – налево,
И ты с фигурами шалишь,
Бывает, что бесстыдным светом
Влюблённых страстных обнажишь,
И дерзким северным полётом
В дверную шелку подглядишь.
Не рад тебе ни вор-бродяга,
Ни цыган – вечный конокрад,
Ни одинокий доходяга,
Что обтрясает ночью сад.

Лишь я, люблюся тобою,
Усну с несбывшейся мечтою...
Мне не дано, как ты, летать!
Во сне летаю...
Спать, спать, спать!

Гурман

Осень грустно осыпает
Землю мокрую листом.
Замерзает, замерзает
Речка-змейка под мостом.

97

Лед прозрачный у закраин –
Меж камышинок стекло.
Куст калиновый играет,
Снег, кругом белым-бело.

Ягод красных над водою
Кисти спелые дрожат,
Белоснежную каймою
Принакрылся дикий сад.

К замороженным рябинам
С лодки руку протяну –
Я к французским сладким винам
Собирать её начну...

Дочери Ане

Ты лепесток цветущей розы,
Росинка утреннего дня.
Прозрачна, словно сок берёзы,
Нектар цветочный для меня.
Ты Афродита, дочь поэта,
В пустыне выросший росток,
Раскрас апрельского сюжета,
Ручья прохладного глоток.

Виноградная лоза

О том, что было, горевать не стоит.
Ещё не облетел весенний сад.
Как раньше, у меня над головою
Цветёт, благоухая, виноград.

99

Лозой своею гибкой извиваясь,
Он обнимает стены, словно брат,
И вьётся нитью, камня не касаясь,
Сначала кверху, а потом назад.

Был шов лозы размеренный, стежками,
И повторялся ровно, как намёк,
Что скоро круг сомкнётся под ногами,
И этот час, наверно, недалёк.

Глядит ко мне в окошко, не стесняясь,
Тянущий к солнцу голову росток.
Моей руке безмолвно покоряясь,
Он, как и я, и сир и одинок.

Коснись меня своими лепестками,
Моей груди, и губ моих, и щёк.
Я мягкими ладонями-листами
Согрею твой цветущий стебелёк.

Любовник

Отгремели весенние грозы,
Стал светлее наш пихтовый лес,
И завидуют в колках берёзы,
Веря истинно в силу чудес.

В светлой зависти к пихтам ревную,
Всё корой своей белой манят,
Веселятся, под солнцем ликуя,
Зазывая в свой солнечный сад.

Я свиданья у пихт позабуду
И к березам – по колкой стерне,
Но, как перья, разбросаны всюду
Опалённые листья в огне.

Ведь закончилось знойное лето,
Желтизна на дрожащем листе.
Вы у многих поэтов воспеты
В обнаженной своей красоте.

И опять на зеленые чащи
Я смотрю как в каком-нибудь сне,
Потому что всё чаще и чаще
За любовь доставалось и мне.

Мне не нужно осенней печали,
И вернулся я в пихтовый лог,
Где по ребрам меня отхлестали
Иглы веток, окрепшие в срок...

Садам друга

Я видел ширь твоих садов
В разгар весны, когда цветенье.
На удивленье городов
Бог слал тебе благословенье...

101

С весёлых дружеских холмов
Твоя страна манила светом.
И я сорваться был готов
В ту сторону зимой и летом.

Пусть в благодарность сотни слов
Ткут дорожную плащаницу,
И я, как редкий птицелов,
Ловил заветную Жар-птицу.

Казалось, долгие морозы
Загубят вожделенный цвет.
И загубили б, если прозу,
А не стихи читал поэт!

Молитвой песнь моя звучала,
Защитой молодым садам.
И вот, природа обещала
Плоды твоих деревьев нам.

Когда ещё слова с любовью
К твоим садам произнесу?
Я следующей плетёной новью
Защиту свежую совью.

Чтобы вся ширь твоих садов
В разгар весны, когда цветенье,
Была для дряхлых городов
Предметом грёз и восхищенья.

На распутье

Под ветром дрожащая ветка
И шелест зелёной листвы.
Ну, здравствуй, берёза-кокетка,
Я пленник твоей красоты.
Всю зиму, мечтой наслаждаясь,
Я думал о встрече с тобой.
С сосною у дома встречаясь,
Тебя называл дорогой.
Ну, вот и весна за окошком,
Такой удивительный май.
На солнце разнежилась кошка,
На грядках взошел молочай.
Заброшу дела ненадолго,
К тебе, белоствольной, умчусь,
На гриве зубастого волка
Лесами к тебе доберусь.
А, может, в пути уже скоро
Черёмуху я обниму,
Иль в эту пьянящую пору
В объятьях еловых усну.

Один неувядший осенний цветок.
Сын солнца, земли благородный росток,
Дитя пожелтевшей природы,
Как символ любви и свободы.
Уже не блестит между листьев роса,
Сомкнулись под солнцем в замок небеса,
Зима на пороге, ночами мороз.
Ты помнишь, как летом резвился и рос
Под трепетный ветер и шелест стрекоз,
Под теплые ливни отчаянных гроз?
Живёшь в одиночестве. Спелую рожь
Убрали давно, и уехали. Что ж..
Один, словно перст, среди пустынных полей.
Ещё иногда пролетающих гусей
Доносится крик, но не страшно теперь.
На спячку в нору забирается зверь.
Придется обняться с сухой травой.
Прижаться к опавшей листве головой.
Ах, эти промокшие, серые дни
Прости и напрасно себя не вини.

Покаяние

Уже давно окончены куплеты долгих вьюг,
Прости за откровения, мой старый, давний друг¹⁰⁵
В твоих владеньях ласковых скворцы ещё поют,
Да только слушать песенки они меня не ждут.

И хоть лога весенние наполнены водой,
Забавы помню частые, когда был молодой.
Сверкает месяц рожками с оттаявших небес,
Я в небушко бы, к месяцу, подпрыгнул и залез.

Пусть оба мы и с рожками, смотрели бы на лес,
Он от природы с рожками, меня попутал бес.
Парит вода весенняя в известном всем кругу,
О наших похождениях я больше ни гу-гу.

Пускай секретом станется пар белый над водой,
Пускай с небес покается и месяц молодой.

Портрет в сумерках

В вечерней заре улыбаются сени,
Длиннее становятся черные тени,
Сквозь сосны слепит угасающий свет,
Рисуя мне чей-то знакомый портрет.
Нависла на лоб пресловутая чёлка,
И кажется мне, что простимся надолго.
И чувствуя это, слетает в отчаянии
Моё, как прощанье тебе, «До свидания!»
О, птицы ночные, скажите сперва
В какую сторонку примята трава?
Куда по траве обрывается след?
Чей видел я только что нежный портрет?
Кому прокричал я недавно в отчаянии
Свои, как из песни, слова: «До свидания»?
И птицы ночные мне пели в ответ:
– Тебе показалось на старости лет.
И нежный портрет и короткая чёлка –
Да это же просто обычная ёлка.
В вечерней заре улыбаются ели,
Страшнее становятся чёрные тени.

Самолёт наш быстро набирает
Высоту, неся меня в полёт.
Стюардесса воду разливает,
По салону медленно идёт.
За бортом приличная болтанка,
Облака под крыльями, как снег.
Завтра, завтра, утром, спозаранку,
Я увижу милый свой ковчег.
Постою у берега крутого,
Поклонюсь родным своим местам,
Расскажу я клёну молодому,
Как грустил о нём по вечерам.
И рябин своих – подружек стройных
Я замечу рядом у пруда.
Зажурчит приветливо и томно
Дикая весёлая вода.

Дожди родины

Ода руднику

Вы где, рудники Салаира?
Где золото ваше и медь?
Моя беспокойная лира
О вас собирается петь.
Знавали вы лучшие годы,
Рудою ломились скипы,
На север отвалы породы
За вами росли, как грибы.
Шумела на фабрике штольня,
Вагоны летели, звеня.
У церкви моя колокольня
От смерти хранила меня.
Мы вас потеряли, простите.
Скорбим мы о вас неспроста.
О, люди, замрите, замрите –
Другая теперь красота.
Лишь только черемухи ветка
Напомнит весною о вас,
Да ржавью от клетки каретка
Вдруг скрипнет, как прошлого глас.
Бурьяном заросшая штольня,
Забитые камнем стволы.
Утрами ещё колокольня
На разные звонит лады...

Уже не мерцает ночами
Летящая к небу звезда,
Не крутятся больше тросами
Коперные два колеса.
Лишь память о прошлом напомнит,
Что мало осталось имён.
Звонарь перепугано вздрогнет.
Зовут его, вроде, Семён...
Звони же, Семён не стеснясь,
Фальшиво язык беребя.
С похмелья утрами качаясь,
Мы все понимаем тебя.
Звони и кричи беспрестанно,
До хрипа, до храпа, до слёз...
Пусть нашу с тобою церквушку
Заметит уставший Христос!

Запоздалый поцелуй

Солнце холодное светит над нами
Льдинкой бездушной с небес,
Катится, сопok касаясь краями,
Мягко спускаясь за лес.
Холодно, холодно, ночь наступает,
И над рекою туман,
Горы и доли собой накрывает,
Прячет позор и обман.
Милые сердцу, стоят величаво
Сосны напротив в снегах.
И открывается нам панорама:
Райские кущи во снах.
Где вы теперь, салаирские рощи?
Где ты теперь, Салаир?
Стало ли лучше, стало ли проще?
Где ты, поэтов кумир?
А я где тепло, виноградные лозы
В окна свисают мои.
Все далеко, снег и морозы,
И не поют соловьи.
Время пройдет, и к тебе, величавый,
Я поутру возвращусь,
И с поцелуем своим запоздалым
В церкви твоей помолюсь.

Гурьевск – не Париж

Не шумите. Тише, тише, тише!
Не берите трубами на понт:
В Гурьевске живу я, не в Париже,
Рядом с рынком, заводской район.

113

Заводские трубы, как и прежде,
Днём дымят, но больше по ночам.
Без особой на просвет надежды
Осыпают гардеробы дам.

В светлое оденешься – ни шагу
Не посмей по улице ступить.
Гурьевскую угольную сагу,
Видимо, уже не изменить.

Грустно мне, ведь здесь моё начало,
Не хочу я родину менять.
В колыбели здесь меня качала
Молодая ласковая мать.

Город мой! Ничто не изменилось,
Тот же ветер в сквере средь берёз.
Солнце там же красное садилось,
И окошки серебрил мороз.

Но завод мой постарел от муки.
Всё гудком отчаянно басил.
Проходные две свои, как руки,
Он тянул, о помощи просив.

Пароходом брошенным, из стали,
Он казался мне ещё сильнее...
Зря вы в дудки, боцманы, играли,
Не поднять вам больше якорей.

Говорите, если можно, тише,
И возьмите на прогулку зонт.
Дым из труб завода так же лижет
Чёрный колоритный горизонт.

Я снова здесь, в прекрасном уголке,
Без надоевших мыслей, налегке...
Заросший, тихо дремлет старый пруд,
Хранитель золотых и медных руд.
Ещё камней виднеется причал –
Свидетель удивительных начал.
Остов плавильных шламовых печей,
Железо ржавых кованных цепей.
Их одинокий, грустный перезвон
Взывал друзей к себе со всех сторон,
Но нет уж тех весёлых удальцов –
Богатырей, искусных кузнецов.
На их костях разбросанных, чужие
Стоят надгробья, добрые и злые.
И нет следов, разрушена часовня,
Одна звонит утрами колокольня.
Из недр земли выглядывает штольня.
Но для чего, по видимости, зря,
Белеют мхом покрытые края?
Под небом голубыми кружевами
Поток струится между мной и вами,
И я, наследник вашего труда,
Жду не земного, божьего суда.
Я не искусный вовсе удалец,

Другой ношу на голове венец,
Вернув долги чудесным мудрецам,
К годам своим я стал мудрец и сам.
Церквушка белостенная одна,
Её аркады видно из окна.
Пожухлый лист у входа старый клён
Ронял на плиты прожитых времен,
Под ними склепы с костями. Свеча
Качалась тихо, оловом бренча,
В такт ржавым, позаброшенным цепям,
Чей звон будил нас, грешных, по ночам,
Напоминая, что у стен другая
Жизнь протекает – добрая и злая...
В церквушке той, в тиши её теней,
Мы в справедливость веруем сильней.
И нам всем, как терпенья образец
Резной алтарь с распятым и венец
Терновый на поникшей голове,
И кровь Христа на выцветшей траве.

Дожди родины

Мне дожди весенние не в тягость,
Я люблю мотивы водных струн.
Ведь с дождем весенним, мне казалось,
Что, как прежде, молод я и юн.

117

И дожди мне, усыпляя, пели,
И качали под своей струёй,
Как тогда, младенцем в колыбели,
Я качался сонный над землёй.

Пусть туман мне одеяло стелет
И в поля промокшие зовёт,
В травяные мягкие постели
Ветерок волшебный унесёт.

И дожди, мне память освежая,
Вдруг сливаясь в нежный голосок,
Прошептали: здесь кусочек рая,
Родины волшебный уголок.

Салаиру

Как давно я не был в Салаире,
Мне его уж жителем не стать,
В притаёжном городке Сибири
Больше лиц знакомых не узнать.

Лишь, как прежде, серебрятся ёлки
В молодом, заснеженном бору.
Близнецами сосны, как девчонки,
Хороводы водят на яру.

Вот они совсем не изменились,
Всё растут и тянут ветви ввысь.
Вы такими же мне прежде снились,
И в любви мне, беглому, клялись.

Дальше пруд с блистающею чашей,
Со скалой кварцитовых пород.
Здесь мы хвастали водою нашей
У резных Гавриловских ворот.

На Крещенье разливали воду
И крестили в исступленья лоб —
Те, кто в Бога и не верил сроду,
Невзирая даже на погоду
И руке несвойственный озноб.

Но, пуская стопочку по кругу,
Ощущали радость и тепло.
Наплевали мы теперь на вьюгу
И гуляли холодам назло.

119

Вьются, вьются мысли вереницей,
И одна всего лишь как итог:
Сбрызнуть бы тогда святой водицей
Наш больной и старый городок.

Может, был бы толк, и он, оживший,
Зазвенел, как в прежние года!
Да и я, так долго здесь проживший,
Всё-таки вернулся бы сюда.

Наш Бомбей

Горят огни ночного Салаира.
Он среди тайги, как в Индии Бомбей.
Один такой среди названий мира –
Из серебра и золота лакей.
Лакей столиц состарился и брошен,
Теперь мы все забыли про тебя.
Лишь только крик из штолен твой истошен,
Да взрытая карьерами земля.
Твои развалины являются повсюду,
На них, как водится, не выбито имён.
А каждый пятый пуд серебряной посуды
Из салаирских руд произведён.
Ты стал мне тяжкою утратой,
И грустно на тебя смотреть.
Ты в списке лучших был десятый,
А нынче должен умереть.

Ещё блестят твои кварциты,
Прожилки золота и медь.
Но позабыты, позабыты,
Ржавеют скипы, тросы, клеть.

Как кровь, течёт от стен забоя
Кроваво-красная вода,
И от полуденного зноя
Кипит и пенится она.

И в жилах тоже кровь вскипает,
В бессилье сжаты кулаки.
А ветер на копре качает
Со скрипом ржавые крюки.

Зачем тебя оставил...

Не всё ли вам равно, что нет теперь идиллии?
Идиллия нарушена давно.
Жизнь теплится в забытом Салаире,
А я на жизнь смотрю через окно.

Что сделал я! Зачем тебя оставил!
Ты с возрастом, как старое вино.
Смакуя, выпил кто-то, обслюнявил,
Скребя ковшом о каменное дно.

Чего же жду? В оставшиеся годы
Я, вспоминая о тебе, пишу.
В отвалах у складов пустой породы
Мне тяжело дышать, но я дышу!

Возврата нет! Все выплаканы слёзы.
Но веселится сердце от того,
Что с рудника роскошные берёзы
Глядят на место дома моего.

Весной ветвями новыми качают,
И шлют мне с сопок шумный свой привет,
И листьями зелёными венчают
Всё, что любил я раньше столько лет.

Я слышал у окраин песни многих,
И вместе с ними радовался, жил.
А вот теперь по каменной дороге
Я еду – одинокий пассажир.

Возвращение

Найдя себе божественный приют
Поверх богатых салаирских руд,
Среди вечнозеленых пихтачей,
Под токование влюбленных косачей
Я дней своих листал календари
От суеты и роскоши вдали.
Пыль городов и шум их значных рун
Не трогали души крестьянской струн,
И даже очень плавный ход лифта,
И роскошь стен его и потолка,
И отражение серебра зеркал –
На них от ламп веселый свет играл...
И все это обилье красоты
Не трогало уснувшие мечты.
Широкая гостиная у входа
Кричала мне: «Да вот она, свобода!»
Скрипели створки арочных дверей:
«Беги отсюда на простор скорей!
От этих стен и тихого лифта –
Туда, где шелестела береста,
Где у дерев торжественная крона
Венчала верх, как царская корона».
Я убегал от этой суеты
Туда, где с ветром дружные листья
Шептали мне, как лучшие друзья,
Ревнуя и в неверности казня –
Ведь я бесстыжих липок городских

Здесь обнимал на улицах глухих,
Когда искал душе своей покой
Среди огней неоновых чужой.
И этих лип стволы хоть и нежны,
Но нет у них холщовой белизны,
И нет у них весной, как у берёз,
Без повода ручьем бегущих слёз.
Но к вам вернулся я, и вот она –
Моя от стен свободная страна:
Простор полынных с горечью степей
И чернота в распадах пихтачей.

Подкова на счастье

Салаиру пел я оды,
И над пеплом не тужил.
Разноцветные породы,
Как реликвию, хранил.

125

Закрывались магазины.
Край нечищенных дорог.
Только красный куст калины
Бог у дома уберёт.

Тучи небо закрывали,
За окошком только снег.
Мы у печки горевали,
Проклиная новый век.

Но! Козы бляели в сарае,
Дружно пели петухи...
Разве мы с тобой не в рае,
Невзирая на грехи?

И не грех ли нынче снова
У обломанных ветрил
Вешать новую подкову,
Вспоминая Салаир?

Под откосами отвалов
От играющих лучей
Меж камней, как меж кораллов,
Вдруг пробудится ручей.

Позовёт к себе, играя,
Чистотой своей дразня.
Здравствуй, воплощенье рая,
Красота земного дня!

Камни, высланные мохом,
От живительной воды.
С первым и последним вздохом
Припади-ка к ней и ты.

С новым восходящим светом
Меркнет яркая звезда.
Я, вода, твоим поэтом
Буду, видно, навсегда.

Корни

Здесь четверть моя, четвертина.
Какой-то особенный свет.
Сверкает под солнцем долина
В потоке промчавшихся лет.
В лучах, под светилом играя,
Блистают кресты куполов.
Взлетай, голубиная стая
Под тень молодых облаков!
Вот так же, свободно летая,
Летал бы меж вами и я.
Но жизнь здесь немного другая,
Мои дорогие друзья...
На шёлковый путь с караваном
Погонщиком вышел бы я.
В трактире в обнимку с кальяном
Уснула бы совесть моя.
Здесь четверть моя, четвертинка,
И прошлому шлю я привет.
Знакомая сердцу равнина,
Прохожих знакомый портрет.

Троицк

Застыла история вечной стеной.
Застыла, но город сегодня живой.

И бью я усталой рукою в набат,
Как преданный старый и верный солдат.

Как пыль из ковров, выбиваю сомненья
Из нового дерзкого поколенья.

Как нянька, как детям счастливая мать,
О Троицке вам я хочу рассказать.

Ведь только ступило дитё на порог,
Дощечка шатнётся, и деточка – скок!

И если успеешь, подхватишь легко,
А нет – убежит от тебя далеко.

Так нужно ли дальше морали читать,
Ведь я не отец, и, конечно, не мать.

Успею ли что-то ещё рассказать?
Хотя б закончить, что сумел начать.

О, Троицк, старинный купеческий град!
Я встрече с тобой по-ребячески рад!

129

Тебя я увидеть уже не мечтал,
Но день нашей встречи внезапно настал.

И стены старинных кирпичных домов,
Изящество линий ночных кабаков

Несло о богатстве былую печать.
И так захотелось об этом кричать!

Ведь прадед лежит мой за этой стеной,
Вот здесь он обрёл свой приют и покой.

А рядом открытый степной Аркаим,
Древнее, чем Лондон, Бомбей или Рим.

Святые раскопки его городищ
И мощная кладка роскошных жилищ,

Где высится прежде богатый Акрополь,
Как нашей славянской культуре Некрополь,

Некрополь забытым, запретным богам,
Как жертва грядущим Эдемским садам.

Пять тысяч пропавших истории лет...
И вот изучаем мы Новый Завет.

Но так уж случилось, что шёлковый путь
Не смог от чудесного места свернуть.

Верблюдов брели по пути караваны,
Несли свой товар в чужеземные страны.

Везли и шелка, и прочнейший нефрит,
Фарфор и зелёный святой жадеит –

Его добывали на копиях хотоны,
И чай, и сухие листы кардамона...

Товары везли из столицы – Сианя:
Расчёты менял и в рублях, и в юанях.

И Троицк – купеческий, как не крути,
Встречал караваны на этом пути:

Поил из колодцев прохладной водой,
Кормил из кипящих казанов шурпой.

131

А прадед Иван из овечьей природы
Искусно скребками выделывал шкуры.

Стою перед городом я на коленях,
И предки мои мне мерещатся в тенях.

Я внуков своих, воротясь, разбужу,
О всей родословной своей расскажу.

Хрустнет заяц ли веткой сухою,
Белый иней ли скрипнет в следах...
Обернёшься – а жизнь за спиною
Запетляла не в райских садах.

Зачерствела душа поневоле,
Заскорузла сибирской зимой...
Снится мне васильковое поле,
И так хочется в степи – домой.

Мне прохладно в таёжное чащобе,
Но у кряжа продолжился род:
Хорошо было с мамой в утробе,
Как кольчуга булл мамин живот.

И носила она не напрасно,
Родила точно в срок, по весне...
Ей при родах уже было ясно,
Что нести крест страданий – мне.

Хрустнет заяц ли веткой сухою,
Белый иней ли скрипнет в следах,
Жизнь моя у меня за спиною
Запетляла не в райских садах.

И поэтому чистое поле
Часто снится теперь мне во снах.
Я тащу крест судьбы поневоле,
На согнутых под ношей плечах.

133

В небо тёмное тычутся ёлки,
И токует с опушки глухарь.
Мне милее мои перепелки
И полыни осенняя гарь.

О дружбе и поэзии, поэтах и друзьях

Пасечнику

Когда весеннее тепло
На окнах иней растворяет,
И солнце яркое через стекло
Ко мне лучами проникает,
Я вспоминаю, милый друг,
Тайги свободное дыханье
Далёких дятлов перестук,
Сорок на жердях стрекотанье,
Знакомый запах диких смол
С пыльцой несобранного мёда,
Журчанье выпущенных пчёл
С зимы оставшегося рода.
И я прошёл бы на крови
В тупом, но честном иступленье,
О, друг, пожалуйста, не рви
Моё к тебе стихотворенье!
Просил и несся со всех ног,
Туда, где вечное влечение,
Как жалко, что не слышит Бог,
И не пошлёт благословленье.
И я бы добежал, дополз,
Чтобы не рвались больше звенья,
Я бы у пихт и у берёз
Прочёл своё стихотворенье.

Ты только долго не молчи
И не причмокивай губами,
В сторожке у ночной свечи
Ругай последними словами.
Я не обижусь. Во сто крат
Обиднее, когда не слышат.
У пчёл твоих пчелиный яд,
И то они живут и дышат.

Друзьям-студентам

О, славные люди, наивные друзья!
Разбились мечты о граниты науки!
Законы её в искушение познав,
Вы там не нашли романтических глав.

А только в симметриях точных законы,
И авторы этих законов – масоны,
И мы принимаем наивно на веру,
Возможно, неправду, возможно, химеру.

У этих познания новых дорог
Ну, кто огорчить бы сомнением смог?
Нам точность наук и теперь не важна –
Последние капли, остатки вина

Смакуя, по кружкам своим разливаем,
И песню, как гимн, вразнобой подпеваем.
И вспомним весёлые прежние годы
Далёкой учёбы, любви и свободы.

Помянем застольем нечастым своим
Кого уже нет. Разговор посвятим
Тому, кто с улыбкой глядит с фотографий,
Чьё имя на камне в словах эпитафий.

Наука убила романтиков многих,
Мечтателей нет – превратила в убогих
Вершителей судеб, источников зла...
И выжжены души поэтов дотла.

Я тоже науку с избытком любил,
И многие годы лишь ей посвятил.
Забыл про романтику дерзкую книг,
Спускался в забой, в окаянный рудник.

Манили меня высоченные скалы,
Я редкие там собирал минералы,
Хоть грезил о жизни горняцкой, простой,
Но там самородок нашел золотой.

В стараньях своих у горы Алатаги
Бывал я в артелях таёжных, на драге.
И нежил чистой водой Кундат
Мой потный, конями заезженный зад.

И много богатых промышленных руд
В том крае теперь из земли достают.
И только под солнцем бессменный Таскыл,
Блестящая вершиной своею, застыл.

Он помнит меня, и со мною друзей,
И много весёлых, растроченных дней...
Так встаньте теперь, постаревшие други,
Давайте пожмём на прощание руки!

Остались во мне и азарт, и мечты.
Я часто про всё вспоминаю. А ты?

Поэту

Брызнуло солнце, растаяла ночь
И растворилась, тягучая, прочь.

141

Тихо курился туман над водой,
Шлейфом тянулся над быстрой рекой.

Каплями с листьев сбегала роса,
Ветви в воде полоскали леса.

Ярко струился по берегу свет,
Спал под деревьями только поэт.

С песней в груди он к утру засыпал,
Здесь он любовь своей песней венчал.

Пел он ей песни свои на ветру,
На берегу и в сосновом бору.

Голос был звонок в прохладную ночь,
Только не смог он поэту помочь.

Разве он нужен для тайны души?
Тайну заветную лучше в тиши

В ушки губами с оглядкой шептать,
Зная, кому о душе рассказать.

Вот и охрип ты, встречая рассвет...
Значит, стихам оправдания нет?

Может, твой шепот сильнее, чем крик,
Женских ушей бы в итоге достиг.

Что же, ты голос напрасно сорвал,
Спи, мой поэт, ты от песен устал.

На смерть М. Лермонтова

Под шум водопада в кавказских горах
Парили два гордых орла в небесах.
Белея вершинами вечных снегов,
Свисали края молодых ледников.

143

Потоки коварных, бурлящихся рек,
Сбегая с вершин, замедляли свой бег.
В прозрачных озёрах среди сопок и скал
Бегущий поток свою силу терял.

И здесь превращался в покорную гладь.
Воды трепетавшей уже не узнать.
Уже оглушает она тишиной,
И лист, облетевший на ней, под скалой

Не тонет в воронке бурлящей стихии.
Лишь только дрожат на поверхности лилии
И кажется близким кремнистое дно,
Под солнцем кавказским сверкает оно.

Я верил, что здесь, где в дымке – Машук,
Ты выстрелишь в воздух, товарищ и друг.
И каялся я секундантам своим,
Что смерти ни ты и ни я не хотим.

Но пулей свинцовой ты ствол зарядил,
И спор боевой пистолет рассудил.
Зачем? Неужели о женщине вздор,
Что так беспокоит тебя до сих пор,

Под жизнью моею черту подводил?
Напрасно! Я женщину эту любил.
И только стихами рассказывать мог,
Тому, кто умеет читать между строк,

Что сердце моё беспокоит и жжёт...
Но! Видно, в любви мне, увы, не везёт.
И пуля твоя мне, влюблённому, льстит.
Ты помнишь: «Могила меня не страшит».

– Спасибо! Твой выстрел меня оправдал!
Я сам оправдаться уже не мечтал.
Безмолвно лежу. И безмолвен Машук.
Уехал с дуэли забывчивый друг.

Ты мстил за сестру и избавил от мук,
Замкнулся свинцом разорвавшийся круг.
Под шум водопада в кавказских горах
Парил одинокий орёл в небесах.

Поэтам Грузии

Кавказ, Кавказ, отгороди стеною!
Укрой меня вершиною хребта.
С его высот полоской голубою
Спускается небесная фата.

145

Даруй, Кавказ, мне счастье и свободу,
Разбей преграду кованых цепей.
Твоих красот и не увидеть сроду
Среди полынных с горечью степей.

У сакли старой спрашиваю многих,
И у живущих здесь ищу совет:
Как между скал и меж обрядов строгих
Родиться смог талантливый поэт?

И как ответ мне: после долгой бури
В долине ранним утром слышу я –
Играет пастушок на саламури
Мелодию вчерашнего дождя.

Там было всё: и сказки, и былины,
Напев грузинских песен и размах,
И сладкие кахетинские вина,
Мерещилось, стояли на столах.

Один ли он? Многоголосым эхом
Его напев услышу я в садах.
И кто-то сверху отзовется смехом
Над головой моею, в небесах.

И я узнал, не стало мне секретом:
Под небом этим, словно в витражах,
Тот, кто влюблён – становится поэтом
С своей любовной песней на устах.

Друзю Б. А. В.

Кончину чуешь, но не знаешь часа.
Тебе в таёжной чаще всё равно.
Тебя в глуши от смерти перепляса
Скрывает в мир забитое окно.

147

Друзья твои ушли. Один до срока,
По-офицерски, опустив курок.
Как жизнь его закончилась жестоко —
Он по-другому поступить не мог.

Другой пал от кинжального удара,
Лечение беднягу не спасло.
Играла полупьяная гитара
Да ветер дул в разбитое стекло.

А третий шёл, протягивая руку,
Ощупывая рядом пустоту.
Он доверял тебе тогда, как другу,
Но остутился, канув в темноту.

Один лишь я, о дружбе вспоминая,
Тащусь к тебе, в твой дикий голый сад.
Давай с тобой обнимемся у края,
Откуда нет уже пути назад.

Давай нальём в стаканы утром чая,
Давай оденем праздничный наряд,
Пока над головой воронья стая
Не закружила новый маскарад.

*На смерть
Анны Тавриленко*

Окончена жизнь. Не окончена песня.
И с бледным, с смертельной печатью,
лицом
В гробу перед нами лежит поэтесса
Не с венчиком белым, а божьим венцом.

Склонились над гробом в печали родные,
Могила зияет последним крыльцом.
Окончились годы нежданно земные
Внезапным для нас, неизбежным концом.

Рассыпались строфы, как бусы, тугие,
И вот уже в поле ромашкой цветут.
Писала стихи поэтесса такие,
Что все до сих пор продолжения ждут.

Поверьте, друзья, на оставленной лире
Нам новые ноты потомки возьмут.
Но только ни в Гурьевске, ни в Салаире
Они, как она, никогда не споют.

О, муза, муза, наберись терпенья!
Пусть скромн ритм и вымышлен сюжет,
О, оглянись и не предай забвенью –
Тебя заждался молодой поэт.

149

Скажи «Люблю» в минуту вдохновенья,
Благослови, о, путеводец мой!
Добавь руке настойчивой уменя
И коронуй короной золотой.

От безразличья твоего иссякли
Слова любви. В предутренней заре
О, подскажи, любимая, всё так ли?
Не осень ли в моём календаре?

Но не с тобой ли в новых сочиненьях,
О, обольститель губитель мой,
В своих иносказательных значеньях
Я постарел и потерял покой?

Не без тебя в преодоленье скуки,
Когда луна взойдет над головой,
Рифмую я в преддверии разлуки
Тот давний стих, навеянный тобой.

Перелистываю страницы,
Дорогую держу тетрадь.
Шелестят под рукой баловницы,
Голубая бумажная гладь.

Исписал я её до корки,
Исковеркал в угаре слова,
Воспевая леса и пригорки,
И с «Люблю» начиналась строфа.

Неумело ведя свою руку,
Потерял я с тобою покой.
И будил задремавшую скуку,
И бежал за бегущей строкой.

Закрывая глаза в полудрёме,
Всё старался припомнить тебя.
И в дверном деревянном проёме
Ты являлась – икона моя ...

Перелистываю страницы,
Золотую свою тетрадь.
Стрелки времени в колеснице
Не догнать мне, уже не догнать.

В отрогах алтайских, меж кварцевых скал
Поэт одинокий свой век доживал,
Где свет обречённый пугается тьмы,
Где били ключами притоки Томи.

151

Где старые копи Демидовских шахт
Ещё вспоминали рабочие с вахт,
Ещё не закрыт был свинцовый рудник,
Но как-то ослаб, головою поник.

Иссякли богатые руды его,
И золота нет, и в следах серебро,
Заброшен на сопке ржавевший копёр,
Он смотрит с тоской на таёжный простор,

В тиши вспоминая весёлые дни.
Уже не вернуться обратно они.
Ржавел, осыпаясь на землю трухой,
О жизни своей вспоминал молодой.

Ведь прежде, бывало, смущая леса,
Крутились два чёрных больших колеса,
Графитная смазка своей чернотой
Ржаветь не давала, внушала покой.

И солнца лучи между радостных спиц
Мелькали, как всполохи первых зарниц,
Натянуты были лебёдкой троса,
Крутились подъёмные два колеса.

Скипы разгружались неспешно в кривых...
Но... Мой не туда отклоняется стих.
В отрогах алтайских, меж кварцевых жил,
Поэт, вспоминая прошедшее, жил.

И тешил надеждой свой разум больной,
Что временно он отошёл на покой,
Что рано ему как поэту стареть:
Вот сядет он вновь в быстроходную клеть,

И та, поднимаясь, его понесёт,
И он от восторга опять запоёт,
Все песни весёлые, что написал.
И час вдохновенья поэта настал.

Он как одинокий копёр на горе,
Мечтая утрами в весенней заре
О вечной любви и о новых стихах,
Забыл о прошедших в изгнанье годах....

Завидую тебе, мой старый друг,
Ты прожил жизнь порока и веселья.
Звенели голоса твоих подруг,
Казалось, сладки были сновиденья.

153

Любил ты тишь таёжных уголков,
Листвы промокшей прелую прохладу
И слабое шептанье ручейков,
Несущих в реку свежую армаду.

Поил тебя в логу скупой родник,
Ты ограждал его исток камнями.
Я, Саша, твой прилежный ученик,
Проросший рядом цепкими корнями.

Мне тоже мил в тайге стоящий дом.
Пусть в нем чадит уставшая лампада,
Не оставляй искусство на потом
Среди деревьев взрощенного сада.

Твори! В тайге и новое крыльцо
Немыслимым покажется шедевром,
И расцветёт угрюмое лицо,
Подрагивая напряжённым нервом.

Я знаю, кто-то должен оценить,
Но звери могут только потревожить.
Кого же в одиночестве винить?
Кто долюбить на старости поможет?

Могучий разум! Множество картин
Ты рисовал в фантазиях напрасных,
Но возвращал обратно карабин
Безмолвный, воронёный, беспристрастный.

Уже теперь не нужно ничего,
Творить умом осталось только дело.
У края разделённых берегов
Не тереби изношенное тело.

Борису Кузнецову

Что дом теперь мой новый и просторный,
Когда я видел бег стихов проворный!
Слова – детали в строфах колоннад,
Эпитет – как вершина анфилад.
Графа сияла портиком с вершин,
А рифма – недоступный мезонин,
Столбцы – роскошный фирменный фасад,
Витиеватый смысл – чугуи оград.
Ты восхищал, поэт, стихом достойным
В январь морозный и сентябрь знойный.
Старик годами, юноша душой,
Спасибо, что ты рядом, что живой.
Спасибо, что в свету твоих лампад
Скрипит перо, не требуя наград.
И я, неискушенный, молодой,
Мог до тебя дотронуться рукой.
Вблизи тебя я, ученик, блуждал
И встреч с тобою с нетерпеньем ждал.
Ты для меня, по-прежнему, кумир,
И тоже ценишь трепетанье лир.
Я взглядом взгляд твой на себе искал,
Но новых песен больше не писал.
Ах, если б ты меня благословил,
И лишь слегка с усмешкой похвалил!

Другая на лице моём печать
Была б, но стоит только горевать.
Плакатных новых виршей стройный ряд
В скупых изданиях разместят фасад.
Одним хвала, и слава, и почет,
Другим, да скажем просто – не везет.

Ночь тиха, её стараньем
Сердцу хочется на свет.
И с каким-то трепетаньем
Слово просится в куплет.

157

Но, живя в осенней скуке,
Где дремучий вечный лес,
Мне протягивают руки
Ветви голые с небес.

И зовут в пространства ниши,
Тянут к свету за собой.
Там, внизу, осталась крыша
С покосившейся трубой.

Наверху, за облаками,
Соблюдая этикет,
Я схвачу лучи руками,
Чтоб скорей настал рассвет.

Ведь всегда ночи стараньем
Сердцу хочется на свет.
И с каким-то трепетаньем
Слово просится в куплет.

Наталье Шулаковой

Как плавна в думах грань изгиба,
Как совершенна от того,
Что от светящегося нимба
Луч падал просто и легко.

В приятной речи, в откровении
До сути нам недалеко.
Спешим в своём стихотворении
На пьедесталы, высоко!

И к чёрту знаки препинания,
Чернил кипящих не унять!
Мелькают образы, названия,
И чувств уже не занимать.

Доволен каждый сам собою,
Что смог заветное сверстать,
Уже и лентой голубою
Осталось всё перевязать.

Но переполненная чаша
Уж через край добром текла,
Когда одна из нас – Наташа –
Строфу нам посвятить смогла.

Строфа – как мысли отраженье,
И замер в изумленья зал,
Свои душевные волненья
Не каждый слушатель унял.

159

Секунда – и воображенье
Уже уносит далеко.
И недоступное уменье
Парит над нами высоко.

Мы приехали к поэту

Мы приехали к поэту
Словом добрым помянуть,
Чтобы здесь сибирским летом
Круг друзей его сомкнуть.

В месте памятном, знакомом
Вью стихов заветных вязь.
Хорошо! В пруду зелёном
Так же ловится карась.

Ничего не изменилось.
Тот же мостик у ручья.
Мне всё время это снилось,
Будто здесь бывал и я.

Будто слышал здесь когда-то
Ночью трели соловья,
А они тогда, как брата,
Тоже слушали меня...

Ах, какие здесь истоки,
Бархат августова дня!
И промокшие дороги
От внезапного дождя.

Всё, как прежде. При погоде
Веселит дурман-трава.
И как дань пришедшей моде
У ручья горят дрова.

161

То ли сказки, то ли были,
То ли просто глупый звон,
Но пришедшие забыли
Про включенный микрофон.

В дряхлой памяти зияла
Несусветная дыра.
До рассвета продолжалась
С возлиянием игра.

К светлой памяти поэта
Не прибавилось ничуть.
Хорошо, что лучик света
Пробивал к могиле путь.

Мы заигрывать не стали.
Мы приехали не «для».
Уезжая, мы узнали,
Что забыли про тебя.

В месте памятном, знакомом,
Я не вью стихами вязь.
В горле вдруг застыла комом
Человеческая грязь.

Потому-то больше летом
Не поедem мы туда.
И не встретимся с поэтом
На могиле никогда...

Платану

Со своей подругой музой
Я объехал много стран.
И в селении Ферюзо
Встретил местный клён – платан.

163

Семь стволов его, сплетаясь,
Будто братья обнялись,
Ветви новые, рождаясь,
Как кресты переплелись.

Я восьмым вам братом стану,
Воспою вас в песне новой,
И всему Туркменистану
Крест поставлю трёхметровый.

Семь стволов того платана
Если вновь увижу я,
Помолюсь ему заранее,
И прощай, Туркмения.

Напрасно, друг, тебя я ждал.
Сентябрь сыростью дышал,
Последний солнца луч ещё
На старом улье золотился,
Под серым выцветшим плащом
Дымарь разбуженный курился.
Напрасно! У тебя не скоро
Появится свободный час.
Трудись и дальше так же споро,
Я обожду и в этот раз.
Когда мороз неотвратимый
Нарушит созиданья длань,
Ручей в лощине говорливый
Утихнет в утреннюю рань.
Не спорь! В твои ли можно годы
Тут оставаться до весны?
Пускай под снегом огороды
Стоят с кустами бузины.
Оставь в покое, мой изгнанник,
Свои чудесные сады.
Закинь на полку накомарник,
Поставь свечу в дом пчёл – омшаник,
Пусть спят, уставшие, они.

Друзьям

Огни, огни висящих фонарей,
Как мало вас уже, моих друзей.
На вас люблюсь я издалека.
Вам ближе небо, ближе облака,
На жизнь земную проливая свет,
Струились вниз, круг радостей и бед
Вы обводили смело желтизной,
Скрипя под ветром ржавою петлёй.
И навевали скуку в поздний час,
Я различал уже по звуку вас,
Как многодетный опытный отец,
Как вечный детям преданный вдовец,
Издалека и даже ночью мог
Узнать в тиши, чей слышу голосок,
По наклонённым вашим головам
По жёлтым одинаковым глазам.
Я различал вас в хоре голосов
По пению, как редкий птицелов.
Вся жизнь прошла у ваших крепких ног,
Кто возразить или перечить мог!
Луна и то, соперничать боясь,
Катилась чуть, за тучами таясь.
И вот теперь, с убытком быстрых дней
Всё меньше над дорогою огней,
Я с ужасом и страхом понимал.
Каких друзей навечно потерял.

О, безудержный сказитель!
О, образчик старины!
Где, коварный искуситель,
Набираешь новизны?

Под старинною лампадой
Пишешь слогом непростым.
И стихи твои – услада
Заплутавшим молодым.

Тихо с утренним рассветом
Проберусь в твой милый дом,
Посмотрю я, кто поэта
Осыпает серебром.

И ведет его рукою,
И писать ему велит,
Чем под жёлтою луною
Вдохновляется пиит?

Заглянул легонько в двери –
Смазал, паря, не скрипит,
А в кровати у поэта
Муза голая лежит.

Я к поэту не ревную,
Мне знакомство даже льстит.
Пусть он музу молодую
До конца благоволит.

167

Мне найти теперь другую –
Из деревни да с косой.
... Я портрет уже рисую
Чуть дрожащею рукой.

Поэты-мотыльки

Постель меня не нежит,
В глазах серым-серо.
Едва рассвет забрезжит,
Возьмусь я за перо.

А щёлкнул выключатель –
И вот он, белый свет,
Реальности создатель,
Таинственный эстет.

Как можно веселиться?
Задора больше нет.
Так, может, и не биться
О грань бегущих лет?

Порхая мотыльками,
Стучимся о стекло.
А время ручейками
Сквозь пальчики текло...

Романтики природы,
Любовные жрецы,
Литературной моды
Окрепшие птенцы.

Из гнёзд своих взлетая,
Всем критикам назло,
Кружила наша стая,
Коль с рифмою везло.

169

Не трогай выключатель.
Пусть будет серым цвет.
Прости меня, создатель,
За дерзость прошлых лет.

Пусть трепетные нити
В руках твоих звенят.
И к солнышку в зените
Птенцы твои летят.

Мне сладок был друга старинного слог,
И весел, и смел стихотворный поток.

Я и колыхался на этих волнах,
В его сногшибательных новых стихах.

Я впитывал смысл, и словно листок,
Навстречу ему был сорваться готов.

Он мне их читал, и дрожали колени,
И гнулись к ногам онемевшие тени....

Как в чистых, блестящих больших зеркалах
Вся жизнь отражалась на белых листах.

Я видел картины из жизни твоей,
И сердце стучало под рифму быстрей.

Но полночь пробьёт на проклятых часах,
И душу заполнит неведомый страх.

Как жаль расставаться. В прощания час,
Мой друг, я продолжу печальный рассказ.

И окна свои, не боясь, растворю,
И песней стихи о тебе пропою.

171

Чтоб шёпотом мне не посмели сказать,
Что средств не находят тебя издавать.

Да, чтобы сегодня о чём-то сказать,
Неплохо бы стало у Бога занять.

Ростки прорастут, где ронял ты слова,
Венцом озарится твоя голова.

И я проору у издательства этого,
Что ты был всегда самым лучшим поэтом.

Металась душа в нетерпенье,
В прохладном жилище томясь,
В унылом своем заточенье
Однажды явившись, родясь.
Жила и не ведала света,
Обычного тела стыдась,
В груди молодого поэта.
Мечтала про деньги и власть.
И ребра его, словно прутья,
Замками его позвонки.
Стояла душа на распутье
У жизни бегущей реки.
Стучало неистово сердце,
Горячую кровь торопя.
Душа потянулася к дверце
И дернула ручку, сопя.
Противное тело покинув,
Легла на прибрежных камнях,
Небрежно ногой отодвинув
Поэта безжизненный прах.
Гордился ты верной душою
И думал: нежнее и нет,
Строфу посвящал за строфою,
Раскрашивая сюжет.

Зачем же, других отвергая,
Ласкал ты стихами её?
Душа потешалась, нагая,
Тебе говорила: враньё!
Ты песни ей пел, надрываясь,
Мотив подбирая, хрипел.
Она, над тобой насмехаясь,
Кричала: достал, надоел!
Поэты, вы песни слагая,
Не каждой молитесь душе.
Гоните её, если злая,
Из вашего тела взашей.
Другая бездомная станет
Дуэтом стихи подпевать,
И крылья поэта расправит,
Чтоб новую песню слагать.

Простые слова

Как часто нам дороги друга слова,
Мы ценим их смысл, услышав едва,
А в рифму закованный весь оборот –
И нас с наслаждением потоком несёт.

Я тоже пытаюсь слова рифмовать.
Но чище у друга словесная гладь.
И жжёт, как железом калёным, глагол,
И хлещут слова, как посуда об пол.

Со звоном стекла я дрожал от волнений,
И дальше катились словесные звенья,
Искру высекая о белую гладь.
Мне, точно, как он, никогда не сказать.

И всё покорялось под рифмой ему,
Ведь так рассказать не дано никому.
Но скучно слова просто так рифмовать,
И стал он о женщинах вирши слагать.

И, кажется, будто знакома она –
Не дочь, и не мать, и совсем не жена...
Да это же та, что попалась сегодня?!
Я видел её у купели, в исподнем!

У проруби нынче, в Крещённую ночь!
Нет, нет, размышленья не смогут помочь!
Торгует, небось, на углу молоком?
Иль та, что торопится к дому тайком,

175

Ревнивого мужа боясь рассердить...
Но вы не спешите беднягу судить.
Ведь в пору заветную, в пору цветенья
Какой был бы прок от тупого терпенья?

И муж, неотёсанный старый торгаш –
Тяжелый, ненужный, постылый багаж.
Но в паспорте штамп, как печать в накладной,
И душно торгашке – жене молодой.

Утруска, усушка, угар и утечка
Её не прельщали, и билось сердечко,
Когда свою песню ты пел для неё,
И прошлое виделось только хламьём.

Ведь всё покорялось под рифмой твоей,
Возьми же за руку её поскорей,
Беги, что есть силы, на краешек света...
Но вдруг подогнулись колени поэта.

И выдохнул он оправданье легко:
А где в тех краях я возьму молоко?
И свежий кефир, и гусиное мясо –
Поддакнул торгаш утвердительно басом.

О, боже, какой же испорчен сюжет!
Вчера ещё был, а сегодня – уж нет!

И крикнул тогда я, прощаясь, поэту:
Забрось поскорее поэзию эту!
Мне больше не дороги друга слова.
Как жалко, что здесь оборвалась глава.

Поэту Леониду Гержидовичу

На древних землях Халифата
Свои точу карандаши.
Прошёл я точку невозврата
В таёжной пихтовой глуши.

177

Бренчу, как ссыльный, кандалами,
Сбивая буквы в мерный слог.
В то, что написано веками,
Спасибо, слово вставить смог.

От Мариинских казематов
До славных салаирских руд
Тебя, лирического брата,
И прославляют, и поют.

От света солнца к пепелищу
Я образ твой перенесу,
Ведь поэтическую пищу
Как ты, я черпаю в лесу.

Пускай сверкает в небе золото
И с салаирских куполов.
Мне нет в обратное возврата
С моих простуженных лугов.

И потому с тобой, поэтом,
Теперь я буду навсегда.
Спасибо, что июльским летом
Сбылась давнишняя мечта.

Спасибо, что твои старанья
Остались дальше, на века.
Как губ прилежное лобзанье
Летит певучая строка.

Не судите меня за затейливый слог,
Я любил вас, писать по-другому не мог.

179

Не судите, что правда лилась через край,
Я бы тоже хотел покреститься – и в рай.

О, как гири, слова на отёкших ногах.
Откровенья – как плоть в откровенных стихах.

И хоть многие в строфах себя узнают,
Закрывают глаза и в экстазе поют

Песни новые, что в тишине написал,
И там многих достойной строкой прославлял.

И других в пору редких шуточных минут,
Говорят, не обидел, наверно, не врут!

В пустоте убежавших путей и дорог
Разглядеть чей-то след на обочине смог.

Высоко в небесах мне сиял не оскал,
Кто-то сверху мне солнечный луч посылал.

Даже в самую тёмную зимнюю ночь
Прогоняю о правде сомнения прочь.

Значит, правда кому-то, как прежде, нужна.
Значит, правда не только в стакане вина.

Что грешнее: всё видя, смотреть и молчать,
Или громко о правде, ругаясь, кричать?

Каждый правду свою пусть выберет сам,
Для начала о правде сказав зеркалам.

До свидания, русская вольница!

Чужой

Проснись! За столько лет прошедших
Теперь я знаю – и во сне
Мечтанья юных дней ушедших
Не возродятся уж во мне.
Привычным стал мне мир постылый –
Без сладострастья и добра.
Но только манит образ милый
Промеж предметов бытия.
Сомненья в образе – частица!
Мираж полуденный с дорог.
Уж стерты дев прекрасных лица.
Но образ! Я его берёг.
И вот теперь, когда стеною
Года стоят уж за спиной,
Жизнь натянулась тетивою
Чужой безжалостной рукой,
Пренебрегая интеллектом,
Одно и то ж передо мной:
Я был для вас всего ж объектом.
Был нелюбимый и чужой.
Чужой! Остывшими словами
Моей любви не разожжёшь,
Своими острыми краями
Лед над водою не сомкнёшь.
Проснись! Пусть явь меня встречает
Прозреньем, радостью, мечтой
И иногда напоминает,
Что я пока ещё живой.

Будь смел в конце тоннеля или края,
На грани жизни, у её конца!
Пусть рвет канву цепей собачья стая,
Терзая вязь упавшего венца.
Пусть смрад из пастей больше не пугает,
Собаки тоже давятся слюной.
Наоборот! Душа благоухает,
Свой аромат роняя неземной.
И жжёт ступни играющее пламя,
Трещат рубины брошенных углей,
Им вторит развеваемое знамя
Хохочущих в сторонке палачей.
Не цель – спастись, спасенье, знаю, в вере.
Как только эту веру уберечь –
В мозгах, в крови и глубоко во чреве
Её огнем карающим не сжечь!
Истерзан я, но горд своей душою!
Она в свету, граненая, блестит!
Я в муках веки липкие закрою,
А вот душа, я знаю, не сгорит.

Судьба моя

Не всё, живя искусно, повторяю,
Копирую манеры не всерьез.
И календарь свой медленно листаю,
Ташу судьбой назначенный обоз.

В плечо, как нож, вонзается постромка,
Привычно мысль болью сократив,
Да ось несмазанная громко-громко
Выводит мне скрежещущий мотив.

Судьба, рассевшись, лихо погоняет,
И щёлкает её всё чаще бич.
Она всё видит, всё бесспорно знает,
Ее всё так же низкопробен китч.

Прожита жизнь, теперь её обломки
Лежат по обе стороны пути.
Я постелил бы сам себе соломки,
Да только воз такой не увезти.

Скажи, судьба, тебе известно, знаю,
Где под ногой провалится мосток.
Какого мне бояться надо края?
Когда последний оторву листок?

Предупреди! Совсем не надо громко,
Едва на ушко только прошепчи.
Расслабится заплечная тесёмка,
И ось внезапно тоже замолчит.

185

Сопьюсь! Хмельной валяться буду в неге,
Сорвусь со скал, но крылья за спиной.
Пуškai хомут навьюченной телеги
Теперь примерит кто-нибудь другой.

Я не ревнив! За мной уже другие
Потомки просят шлеи натянуть.
Их дни бегут, о, боже, дни какие!
Одним глазком бы с завистью взглянуть.

Молчанье долгое, все знают, не сближает.
И что-то срочно нужно говорить.
Тогда и паутина слух ласкает,
Точней – её трепещущая нить.
Уста мои обветренные, знаю,
Не пух давно с шершавостью своей,
Я одиноким углем догораю,
В колосниках заброшенных печей.
Горю давно огнём, не согревая,
Как среди золы дымящий уголёк,
И продлевает жизнь, повелевая,
Любезно кем-то запертый лючок.
Абсурд, но избыток кислорода
Не благо вовсе – медленная смерть.
Все выверено. Мудрая природа.
И мудр, кто люк старался запереть.
А утром все вы скажете спасибо,
Найдя меня в щели колосников
С тепла начав свой день сегодня ибо,
Вновь разжигать печь нету дураков.
Молчанье в холоде, я знаю, не сближает,
В тепле о многом можно говорить,
Мой огонёк, конечно, догорает,
Чтобы согреть и пламенем светить.

День в былое провожая,
Ставлю крестик в календарь.
Я в потёмках обожаю,
Слушать, как звонит звонарь –
С переливом и с потягом,
Он народ к вечерне звал,
Рассыпал удары маком,
Языком нутро терзал.
То погромче, то потише,
То короче, то длинней.
Забираясь выше, выше,
Чтобы вниз упасть сильней.
С разукрашенным узором,
С музыкальной резьбой,
То покорно, то со вздохом,
Продолжался этот бой.
Как малиновая чаша,
Сладким мне казался он.
Разливай, часовня наша,
Свой чарующий трезвон!

Лампада

Догорай, моя лампада,
Без остатка, без следа,
У запущенного сада
Разливается вода.
Много быстрое течение
Из тайги несёт добра,
Я сотку стихотворенья
Из неонов серебра.
По-весеннему лаская,
Тащит речка старый хвощ.
Серебристо-золотая –
Здесь и ширь её, и мощь.
И сорвусь я в нетерпенье,
Проору вот здесь куплет.
Хорошо, что вдохновенье
Появилось на свет!
И затеплится лампада
У весеннего пруда,
И пожухлая рассада
Будет садом навсегда!

Одиночество

Написал бы письмо, да кому написать.
Постучал бы в окно, да кому постучать.
Слева пара осин, справа тройка берёз
Да у дамбы шумит белой пеною плёс.
Стану я по воде листья ив посылать,
Но по листьям моим ничего не понять,
То зелёный их цвет, а то светлый опять,
Не всегда, чтоб найти, нужно что-то терять.
Ах ты, утра роса! Ляг на кромку листа,
Ты, как капля вина, и хмельна, и чиста.
Может, смогут тебя за слезинки принять,
Чтобы душу понять, чтобы тело обнять.

Есть плиты из мраморной крошки,
Гранитные тоже в цене.
Дешёвые – мелкой рыбёшке,
А этот, с бордюрами – мне!

Хожу, как купец, выбирая,
Хочу для отца – в полный рост.
Каёмка на нём золотая...
Давай-ка его на погост!

Давай-ка с крестом, в переплёте
Из траурно вьющихся лент,
И с красной звездой в полёте,
И этот резной позумент.

Чтоб надпись на солнце играла,
И даты: пришёл и ушёл,
От самого чтобы начала
До скорбно законченных дел.

...Кому ты нужна, позолота?
Земля, что ли, будет пышней?
Но сделать так много охота
Тому, кого нету родней.

Есть плиты из мраморной крошки,
Кресты есть по сходной цене.
Я свой унесу по дорожке
На сгорбленной жизнью спине.

191

Могильные выровню плиты,
И вот он, стоит в полный рост.
До края стаканы налиты
Под траурно сказанный тост.

«Прости!» – почти вырвалось криком, –
Я сделал тебе всё, что смог...
Всё думаю вслух о великом
В излёте бегущих дорог.

И грома над мною раскаты,
И дождь, словно слёзы, с небес,
И плачет, закатом объятый,
Крестами утыканный лес.

До свидания, русская вольница!
Дремлют в поле твои ковыли.
И деревня моя, беспризорница,
Утопает в дорожной пыли.

Оторвусь, как теленок, от вымени,
И тоска, как на сердце печать.
Все пророчества сбудутся в имени,
Что дала при рождении мать.

Поброжу по овражкам, порадуюсь,
Соловьем по лесам посвищу.
По-мальчишески водкой побалуюсь,
Да без повода вдруг загрущу.

Пусть ковыль под ветрами колышется,
И деревня в дорожной пыли...
Не поётся мне здесь и не дышится,
Бесполезно проносятся дни.

Подстригу гриву чёрную мерину,
Да седло на хребет в перевязь,
И за правдой крестьянскою к Ленину
Через черно-кровавую грязь.

С карабином, в бушлате потрепанном
Встану в ночь часовым у костра.
Боевые товарищи с хохотом
Моего доедают коня.

193

До свидания, русская вольница,
Гнутся ветром твои ковыли.
На дыбы поднялася околица,
Отпечатав подковы в пыли.

Под полотнищем алого знамени
Встану я часовым у Кремля.
А в костре языкастого пламени
Догорает родная земля.

Пусть кровавое пламя колышется,
Мостовая пусть в черной пыли.
Не поется мне здесь, и не дышится,
Бесполезно проносятся дни.

Салаирские Плёсы

Раскинулись древние сопки кварцита,
Блистали, желтея, прожилки пирита,
Белел над просторами старый утёс
И бился о скалы бликующий плёс.
Дивились с высот своих старые сопки:
Построили люди чудные коробки,
Дорожки у пляжа в асфальт закатали,
Мы чуда такого ещё не видали!
Пригнали к причалу моторные лодки,
Шныряли вдоль берега девы-красотки.
Стоял лишь один уцелевший мосток –
И сер, и в раздумьях своих одинок.
И ржавую цепью прикован к нему
Челнок одинокий. На самом краю
Могла отдыхать от трудов трясогузка.
На берегу диком, на берегу узком,
Травую заросший, стоял бугорок.
И крест почерневший, простой, из досок,
И надпись внизу, на могильной плите:
«Мой сын утонул здесь в холодной воде».
И вот по утрам в гробовой тишине
Уже не спалось одинокому мне.
Я вспомнил стоявший на круче утёс
И пару растущих высоких берёз.
Вот так жизнь со смертью у плёсов сплелась.
Вода молчаливо к обрыву неслась.
Раскинулись древние сопки кварцита,
Блистали, желтея, прожилки пирита.

Сон

Мне приснился сегодня сон,
Будто я у дороги стою,
Под невидимый граммофон
Я чужую песню пою.
Свежий ветер мне подпевал,
Шевелил молодым листом,
И стволы берёз до земли
С упоением наклонял.
И с горы бежал по степи,
Подгоняя путника в ночь,
И свистел, когда настигал,
А потом уматывал прочь.
Мне бы песни такие петь,
Петь, плясать, а я не могу,
Я как будто бы воздух в груди,
Чтоб на помощь позвать, берегу.
Солнце встало, и ветер утих.
Высыхает на травах роса.
И из глаз приоткрытых моих
Потихоньку катится слеза.

Вот ещё одна ночь позади,
Утро будит тревожной прохладой.
Сны! Мои предрассветные сны!
Вас припомнить стараюсь с досадой.

Память цепкою хваткой своей
Тянет медленно к свету обрывки,
Мозг ленивый сильней и сильней
Ставит, сонный, сознанию прививки.

В одиночестве буду быстрее
Мучить мысли, о шум не сбивая,
И всё чётче картинки теней
Вижу, вдаль навсегда провожая.

Сонник бережно в руки беру
И внимаю со слов отпечатки,
Я себя убеждаю и вру,
Что и в сонниках есть опечатки.

Через сны я пытаюсь понять,
В чём же суть человеческой жизни.
Снится мне упокойная мать
Снится мне поминальная тризна...

То, чем грезил, пока не сбылось,
И не сбудется многое вовсе.
Ждёте скорой кончины, небось,
Приглядев уголок на погосте.

197

Я ещё одну ночь подожду,
Чтобы в детство опять воротиться.
Ведь написано мне на роду
Видеть ваши счастливые лица.

Проходит жизнь от синих ветров мая.
С надеждою цепляюсь за края,
И, тонкий лед в отчаянье ломая,
Всю брэнность понимаю бытия.
Ещё в руках, как прежде, крепнут жилы,
Ещё стоит у берега мосток,
Да только в поле множатся могилы
У перекрестка прожитых дорог.
Прошли года, размыв остатки счастья,
И настают иные времена.
И ждет меня душевное ненастье,
Холодная и вечная страна.
В крови края прозрачной тонкой льдины,
И тянет ноша тяжкая ко дну.
Всё дуют ветры новые с долины,
Маня к себе в волшебную страну.
Ты часть души, ковчег моей удачи,
Зовёшь к себе в обманчивом дыму.
Как хорошо решать свои задачи,
Тепло огня внимая, одному.
Не стану лёд судьбы ломать без цели,
К ветвям рябин обратно поверну.
Встречайте, заржавевшие качели,
Я за собой не чувствую вину.
Так дальше буду жить в душевной неге
И, может, снова в женщину влюблюсь.
Мой терем на крутом кремнистом берегу,
И умереть я больше не боюсь.

Последний гость

Вот утихло веселье, догорает костер,
Гость последний вернулся за шляпой.
Опустел, опустел мой приветный шатер,
Я остался с любимой собакой.
С неба светит луна, освещая столы
В хрустале преломляясь фужера.
И тарелки и вазы едою полны,
Здесь диета – пустая химера.
Так вернитесь же, братцы, налейте в стакан,
Пить без вас – ну, пустая затея!
И под водку мигнет мне с тарелки кабан,
От приятельских тостов краснея.
Все ушли, даже тот, что со шляпой,
Он прощался так долго со мной.
Я останусь уж лучше с собакой
И подругой своею тоской.

Дрогнет ветка клена

До восхода, ещё до восхода,
Ты разбудишь, тряхнув за плечо.
Дни – осколки минувшего года,
А минуты – гнилое тряпьё.
Пролетают они мимолетно,
Между пальцев тихонько скользя.
Вот меж ними потом незаметно
Просочится и жизнь моя.
А пока, а пока ещё силы
Не оставили тело моё,
Пусть подковы у старой кобылы
Топчут редкое в поле жнивье.
И телега за ней волочится,
Да скрипит только задняя ось,
Но не слышит оглохший возница,
И глаза его мутные, вкось.
Я устал от скрипучей телеги,
Спрыгну наземь и по полю – вскок,
Чем лизать уходящее в неге,
Лучше пулю в стучащий висок.
Ствол холодный, как лед, револьвера,
И завёлся юлой барабан.
Жизнь моя, может, только химера?
Или я до безумия пьян?
Вот и вертится с пулей рулетка,
Но пружина фиксатора – щёлк...
Дрогнет клёна нагнутая ветка,
Брызнет кровь на коричневый шёлк.

Порубили мы иконы на дрова...

Порубили мы иконы на дрова.
А на что теперь молиться? Трын-трава...
И стащили с колокольни старый крест,
В небо с луковицы смотрит старый шест.
Разорили, раззадорясь, алтари.
Да зачем нам это всё? Сгори!
Потешались и кривлялись с огоньком,
Разносило дальше пламя с ветерком.
Но увидела потеху Божья мать,
Стала, грустная, молиться и рыдать.
Затаился у амвона ветерок.
Дым не курится уж больше от досок.
Заглянул я в обгоревший уголок,
Подобрал ещё дымящийся лубок.
Ототру его от гари, да и в дом,
Помолюсь я на икону перед сном.
Дай-ка, Матушка мне Божья, новых сил,
Без твоих благословений свет не мил.
Отмолю грехи бессовестных людей,
Ты прости их, окаянных, поскорей!

Новый год

Ветром качало со скрипом качели,
Спорили с ветром пушистые ели,
Слышался с дерева стрёкот сорок,
Тёр наждаком свой топор мужичок.
След оставляли полозья саней,
Пар поднимался с каурых коней,
Кнут опускался под радостный свист,
Снег отражался, под солнцем лучист.
Спорили две островерхие ёлки,
Чьи красивей и длиннее иголки,
Чей под корою душистее ствол,
Чья здоровее живица из пор.
Были густы озорные макушки,
И веселились лесные подружки,
Хвастали вслух красотой своей,
Иглы роняя с роскошных ветвей.
Звали соседнюю ёлку кривою,
И обзывали беднягу доскою,
Часто гордились по первой пороше,
Что приодели нарядные броши.
Ёлка соседняя рядом росла.
Броши она надевать не могла.
Трудно в бору ей под старой сосною –
Снег не ложится на ветки зимою.

Солнце и летом сосна закрывала,
Тёплых лучей эта ёлка не знала.
Корни её вымерзали в морозы,
Вот и скривилась в нелепости позы.
В желтой скале эта елка росла,
Хоть некрасивой, но доброй была.
Храп неожиданно лес разбудил –
Это мужик лошадей осадил.
Взял под кошмой припасённый топор,
Спрыгнул с саней и отправился в бор.
Сразу две ёлки попались ему.
В бор не пошел он. Идти ни к чему.
Школу украсили зимние ели,
Дети вокруг танцевали и пели.

Богородице

Молюсь тебе, моя царица,
Христа качающая мать.
Тебе – роскошная божница,
Тебе – расписанная гладь.
О, сколько слёз к тебе пролито,
Молитв слетало сколько с губ...
Ничто тобою не забыто,
И каждый молящийся люб.
Разбойник, ищущий пощады,
Или удачливый купец –
Все к лику прикоснуться рады
И поклониться, наконец.
Невеста, свадьбы накануне,
Фаты не скинув, подбежит,
Крестом себя в житейской суете
Рукой дрожащей осенит.
Или с котомкою изгнанник
С колен с тобою говорит.
Богоотступник и жеманник –
И тот покаяться спешит.
Я тоже твоего совета
Украдкой шёпотом просил.
Ты посылала лучик света,
И сразу прибавлялось сил.

Прости меня, среди соблазна
Я очень часто забывал,
Что жизнь грешна и безобразна.
Лишь этот лучик согревал,
Меня, как путника из мрака,
К дороге торной выводил,
И я, развратник и гуляка,
На службу в церковь приходил.

Отрывок из поэмы «Ангелы»

Затрубили ангелы,
Поклонились старцы.
Песнопенья грянули
Хором краснорясцы.

Веселят стозвонные
Колокольни храма,
Золотятся полные
Чаши фимиама.

Слова, слава агнецу
С семипарным оком,
Что рогами, как венцом,
Угодил пророкам.

Звезды, как смоковницы,
Падали на землю –
Божие угодницы
В божию неделю.

Пусть звенят стозвонные
Колокольни храма,
Пусть златятся полные
Чаши фимиама.

Икона

Я увидел тебя в позолоте,
Были в обруче жёлтом края.
В деревенской постылой дремоте
Ты осталась, икона, моя.

207

Но меж нами не мрачные чащи,
Между нами лишь жизни края
Городской я, но чаще и чаще,
Словно мать, вспоминаю тебя.

Если ветер к руке прикоснётся
Или пеною брызнет волна,
Сердце птицею в клетке забьётся
И зажжётся лишь мысль одна:

Я же помню тебя в позолоте,
Были в обруче жёлтом края,
А теперь мне в постылой дремоте
Оставаться надолго нельзя.

Я вернулся к тебе через годы.
Тот же домик и та же земля.
Золотил молочай огороды,
Стали выше вокруг тополя.

Только ветер в дверные проемы
Запах прелых досок приносил,
Да, как с детства ещё мне знакомый,
Дух смолёных сосновых стропил.

Я увидел тебя в позолоте,
Были в обруче жёлтом края.
В деревенской тиши и дремоте
Заждалась ты, икона, меня.

Богослову Иоанну

Отрывок

...Горела факелами плоть
В империи Нерона
И повелел тогда Господь
Апостолу Иоанну:

209

«Любимый ученик Христа,
Ты давний мастер слова,
Пусть будет новая глава,
Писать тебе не ново.

Семь скорбей, семь ужасных бед
Ты опиши в пещёре,
Пускай пройдет немало лет
В служенье нашей вере.

Уже антихрист среди нас,
Горчат полынью воды,
И скалы острова Патмос –
Маяк людской свободы».

Господь его рукой водил
По книге откровений,
Но Вавилон войной грозил
И смертью, без сомнений.

Виденье было, что Ирак
И Сирия пропали.
Их стаи бешеных собак
На части разорвали.

Насилье, голод и война
Как будто бы настали,
Жестоки были силы зла,
Огнём людей пытали.

Четыре всадника с коней
Живых ещё топтали.
Те много лет, недель и дней
Освобожденья ждали.

Любимый ученик Христа
Прилежно и в старанье
Уже описывал места
И в скорби и в отчаянье...

Паломник

Вот отступят грозы, станет день длинней,
Засверкают в небе маковки церквей.

211

С колокольни звонко, как и было встарь,
Зазывает к службе молодой звонарь.

Улетели стаи пуганых ворон,
Разливался с горки колокольный звон.

Не привык я сроду к сонму долгих служб,
Может, потому-то этот звон и люб.

Может, потому-то сквозь заслон оград
Под малинный отзвук захожу я в сад.

Подпевайте птицы у зелёных врат,
Я вас не обижу, я ваш старший брат.

К вам я, как паломник, выйду, посвищу,
Средь ветвей цветущих я покой ищу.

Путником усталым мне бы отдохнуть,
На траве кудрявой лечь бы и уснуть.

И пускай мне снятся радужные сны
Посреди звенящей голубой весны.

Медвежий угол

Я закрыл за собою дверь,
И ключи от замков забросил,
И скитаюсь, как по лесу зверь,
Похудевший в голодную осень.

Мне бы нужно немного тепла,
Ведь на травах холодная проседа,
У медвежьего стынет угла,
И прощенья за это не просит.

Завязался бы добрый жирок,
Чтоб пропащее дело поправить,
Но на ветках пожухлый листок
Так и хочет голодным оставить.

Заржавели, наверно, ключи,
И замки не откроются больше,
Не разбудишь в чернильной ночи,
Если даже и крикнешь погромче.

Как уснувший голодный медведь
Я бы смог от тебя пробудиться.
И растает осенняя ледь,
И в весенний ручей превратится.

Побежит он, среди сопок шумя,
Лес осенний собой пробуждая,
Заливая с восторгом края,
Как в начале весеннего мая.

С переливами песню свою
Будет петь мне ручей, не сбивая,
Вместо снежных буранов и вьюг
Слух весёлою нотой лаская.

Но легко мне мечтать потому,
Что торопится зимушка злая,
Что нельзя рассказать никому,
Где застигнет она, и какая!

И сорву я с сувальдных петель
С красной ржавчиной толстую дверцу,
Чтобы тёплая с крыши капель
Отогрела замёршее сердце.

Тревога

Звенит колокольчик всё чаще,
Пока ещё не для меня.
Кого схоронили пораньше,
Кого-то схороним на днях.

И сердце уставшее бьётся,
Дни жизни под ноги стеля,
Мне утром, как птице, поётся
Про пихты, а не тополя.

Я в песне ещё прославляю
Таёжный диковинный май,
Тоскую, конечно, и знаю,
Что вот он покажется, край.

Тоскую что снега в апреле
Так много, что в лес не зайти,
Что холодно ночью в постели,
И что уж другой не найти.

Зарю у окошка встречаю
С молитвой, чтоб радовал день.
Дыша на стекло, понимаю,
Что рядом лишь чёрная тень.

Как месяц, с небес, одиноким
Гляжу в уходящую тьму.
Но ближе он к звёздам далёким.
А я уж давно ни к кому.

Истребитель и ангел

Короткий разбег и отрыв. Снова убрано шасси.
Могучая сила турбин, поднимая, несёт.
Я вырвался ночью из смрада разинутой пасти,
И к звёздам далеким меня уносил самолёт.
Огни полосы за спиною остались у взлётки,
Радар на экране исправно мой вылет засёк,
Диспетчер в мундире военном и синей пилотке,
Я слушал его и на курс подтверждаемый лёг.
С включённым форсажем лечу, высоту набирая,
У горла комок перегрузки уже восемь «ж».
А мой истребитель, ну что за удача такая,
Лёг в плоский полет горизонта уже.
Легко, как учили, штурвалом ловлю направление,
На всех оборотах турбины истошно поют,
Пусть эта машина, Господь и немного везенья
Помогут мне в этом смертельном бою.
Искрили снежинки и вместе с моим парашютом
Летели к земле в одинаковом ровном строю,
Внизу догорали обломки красивым салютом,
В таком не знакомом мне, диком краю.
Порывистый ветер встречает серебряный купол,
И бешено мчится навстречу чужая земля,
И видит Господь, я, подбитый, о смерти не думал,
Святое молчание, падал, храня.
Один только ангел мою катапульту заметил,
И бережно крылья под ноги мои подставлял,
Отдавшись на волю ветрам, я ему не перечил,
Согласный во всём, головою кивал.

Зеркало

Напрасно ты ждешь у холодной стены.
Дни радостных встреч не вернуться.
Что дни, коль минуты уже сочтены,
В осколки они разобьются.
В красивой оправе, в дубовой резьбе
Подарком ты в дом появилось.
Меж грубых портьер на втором этаже
На радость семье поселилось.
И дети, играя, смотрелись в тебя,
Когда примеряли наряды.
Довольна была молодая семья,
Сошлись в небосводе плеяды.
Пылинки сдувая, жалели тебя,
Не всяким сукном протирая,
Фланелью ласкали резные края,
И грани светились, играя.
Хранило ты тайны за блеском стекла,
А видела тайного много.
И лучше немного слуги берегла
Секреты богатого дома.
...Но годы прошли, на втором этаже
Стоишь ты в углу одиноко.
Блистаешь, но новый хозяин уже
Решил обновить всё до срока.
Напрасно ты ждешь у холодной стены,
Дни радостных встреч не вернуться.
Что дни? Ведь минуты твои сочтены –
В осколки они разобьются.

Молодая крапива не колет,
Молодая крапива не жжет,
В воду бросишь – она не утонет,
А с течением быстрым плывёт.
Закружит она в водовороте,
И опустится всё же на дно.
И листва будет вязнуть в болоте,
Растворится в воде волокно.
Молодая крапива не колет,
Молодая крапива не жжет.
Жеребёнок игриво мусолит –
Молодую крапиву жует.
Только редко бывает иначе,
Если кто-то зелёное рвет.
И крапива, бывает, заплачет,
И кого-то к себе позовет.
Молодая крапива не колет,
Молодая крапива не жжёт,
Если стебель крапивы до боли
Кто-то крепко в ладони сожмёт.

Баянист

Играй, баянист, без умолку,
Раскрой у баяна меха.
Откинь свою рыжую чёлку,
Тряхни головою слегка.
Кружатся воздушные пары,
Баяну отвесив поклон,
Его музыкальные чары –
Как нежный мужской баритон.
В глазах перламутр фиолета,
Под пальцами – кости басов,
И сыплются в жаркое лето
Аккорды его голосов.
Усохла ремней его кожа,
И в трещинах вся сыромять.
Но помнит о прошлом, похоже,
Роскошная серая гладь.
Плясали, на свадьбе гуляя,
Встречали с войны поезда.
В победные праздники мая
«Славянку» играли всегда.
Играй, баянист, без умолку,
Раскрой у баяна меха.
Свою поседевшую чёлку
Под кепку упрячь от греха.

Был товарищ у меня, гнал медок,
Рвал листы календаря точно в срок.
За окном погоду он замечал,
В дневнике, как повелось, отмечал.

219

Тишина и треск поленьев в печи,
Да скребутся где-то мыши в ночи.
Под неровный свет кадящих лампад
Рылся в памяти событий и дат.

И невольно накатила слеза,
Покраснели, воспалились глаза,
И висевший за спиною портрет
Вырвал в прошлое на несколько лет.

И теперь вот до утра не уснуть,
Давит памятью усталую грудь,
И на крыльях, по эфиру, во мгле,
Он кочует там, где жил на земле.

Вот и дом его, где детство, где рос,
Рядом поле и знакомый покос,
Да в кадучке у порога вода,
И родители живые тогда.

У крыльца сестра, на ней сарафан,
Да сосед-мальчишка, вроде, Иван.
Вечерами у склонённых берёз
Пели песни нерастраченных грёз.

Как хотелось там остаться ему.
Всё, что нажил он теперь – ни к чему.
Снится садик и сестры сарафан,
Да сосед-мальчишка, вроде, Иван.

Я не сплю, мне в доме одиноко,
Ожиданьем сладостным томим...
Колокольчик под дугой далёко
Все звонил, звонил, неутомим.
На дворе мороз, под звёздным небом,
Хоть уже сегодня месяц май,
Мы чаёвничаем допоздна с соседом,
Пьем из рюмок потихоньку чай.
Начихали мы на сонный вечер,
Начихали на ворчливых жён,
Ты накинь, накинь себе на плечи
Старый свой рыбацкий балахон.
Расскажи про что-нибудь такое...
Как всегда, с волнением, приври.
Я готов враньё твое любое
Слушать в этой проклятой ночи.
Пусть морозом индевеют ёлки,
Пусть звенят истошно бубенцы,
Воют, воют за оврагом волки,
Воют, ожидая, подлецы...
Не дождетесь, зря не надрывайтесь,
Мы с соседом долго будем пить.
До утра от дома убирайтесь,
Мы ведь можем вас и пристрелить.
А когда закончатся патроны,
Не надейтесь на простой исход:
С матюгами выйдут наши жены,
Встретят вас со скалкой у ворот.

Я не ценил того, кто был со мной,
Казалось, вечно будут эти люди.
А оглянулся: пусто за спиной,
И никогда со мною их не будет.
Ещё светила сверху нам звезда,
Неслись по штольне поезда с рудою,
В канавках торопливая вода
К зумфам бежала летом и зимою,
Белели лица буровых бригад,
Их каждый метр –
Всего труда частица.
Спешил и я на новый свой наряд,
Хотя и ныла с ночи поясница.
Как крест судьбы бурил я свой забой,
Как свод аркады, как амфитеатр.
И часто глож от перегрева мой
Ручной воздушный старый перфоратор.
Но как бы ни был долог грустный день,
Хотелось на-гора, к дневному свету.
В копре встречала радостная тень,
Бросалась в ноги юному поэту.
Да, не проходчик я, среди берёз
Я бы и дальше нежным оставался,
Но зарастал заброшенный покос,
А я в забое дальше надрывался.

Мне так хотелось от душевных вьюг
Душой своей к другой душе прижаться.
Но безразличным был старинный друг,
Над чувством мог он только посмеяться.
Забуть бы мне тогда таких друзей
И жизнью бы своею наслаждаться.
Но слишком мало на пути огней,
Чтоб и от этих тоже отказаться.
Я стал себя, беднягу, улаживать,
И на-гора быстрее подниматься.
Я знал, меня у двери будет ждать
Не мать, не брат, а тень, чтобы обняться.
И вышло так, что друга больше нет,
Уехал брат туда, где южный ветер,
Мать умерла, оставив этот свет
И некролог в ноябрьской газете.
Лишь только тень моя теперь со мной.
И мать, и брат, и други – в ней с избытком.
Щеколда стукнет за моей спиной
И встретит тень за крашеной калиткой...

Если дунет с поля ветер новый,
Если станет всё наоборот,
Он подпрыгнет над водой, готовый
Закружить в другой водоворот.

Эх, легко прожить бы, превращаясь
То в перо безвесое, то в болт,
Чтоб, как флюгер, на гвозде вращаясь,
Вкруговую видеть горизонт.

Я прикручен намертво, пришпилен,
Мне не нужно ничего менять,
И уже в стараниях бессилен,
Чтоб других в желаниях унять.

100-летию расстрела царской семьи посвящается

Как любимому чаду, избраннику,
Бог вручил крест тяжелый посланнику.

225

И призвал он царя к жизни праведной,
И к любви человеческой, завидной.

Стал наш царь образцом благочестия,
Но пришли тут дурные известия:

На фронтах и в тылу подстрекатели,
При дворе появились предатели.

Расступились, кто думали правильно,
И, казалось, что всё замечательно.

Но пророчья сбываются Авеля,
И царя отрешиться заставили.

Завели всю семью в дом Ипатьева,
Не с переднего входа, а с заднего.

Старший всё револьвером наигрывал,
Да с похмелья открыто порыгивал.

Пригрозил расстрелять вместе с челядью,
Даже клялся... в намеренье.

Собрались с страстотерпцами в комнате,
Были те в драгоценностях, в золоте.

С образами стояли, с иконами.
И попадали на пол со стонами...

Палачи наигрались, натешились,
Да у выхода только замешкались:

Всё делили колечки с серёжками,
Перстнями хвалились да брошками.

И свезли мёртвых в Ганину ямину –
За пределы, в лесную окраину.

Закопали царя вместе с детками,
Забросали могилочку ветками.

И звени над могилой невинных стон,
Опустел с тех пор золочённый трон.

Но не сгинул ведь божий помазанник,
За свою добродетель наказанный.

227

На крови убиенных не спорили –
Храм не месте расстрела построили.

И звонит он теперь колокольнями,
И придел бронзовеет достойными...

В назидание времени новому,
Позабыть о минувшем готовому,

Я приеду к нему, златоглавому,
И зажгу свечу запоздалую,

Опущу у амвона головушку
За российскую нашу сторонушку...

Княжна Тараканова

Заманчив рассказ из чужих королевств,
Чаруют преданья таинственных мест.
Ухожены парки, и клумбы в цветах,
И кажутся райскими пения птах.

Виляют дорожки под жёлтым песком,
Мерещатся реки с парным молоком,
Скрываясь в тени под листьями садов,
Текут меж скалистых своих берегов.

И дивные земли неведомых стран
Солёной водой омывал океан.
И много российского нашего люда
Глядели в Европу, как дети на чудо.

И думали: что за прекрасное диво?!
Ах, бросить бы снежную эту Россию
С её бесконечным покровом снегов,
С безудержным звоном железных оков,

Зовущихся, тихо, давно между нами
Цепями, колодками и кандалами.
Стоял у залива воздвигнутый град
В дворце собирались на бал-маскарад.

Под масками прятались разные лица,
Смешались в мазурке князя и девицы,
Блистали шитьём дорогих сюртуков
И хвастали цветом нарядных бантов.

Значки на груди офицеров, медали
В огне канделябров искрились, играли.
Победой своей наслаждалась столица.
Но где же, простите, Орлов и царица?!

Лицо у царицы прикрыто слегка,
Но перстни на пальцах, в браслете рука,
Она в окружении слуг, не одна,
и пьют за здоровье царицы до дна.

Ей чаще других подносили вино,
И краской другой отливалось оно.
Царица присела, и тут, неизменный,
Пред нею Орлов преклоняет колено.

И руку целует и шепчет едва,
Но кто различит фаворита слова...
Я мог бы немного про это солгать,
Но только нам слов этих лучше не знать.

У старой любви есть постылый изъян:
Остыла постель и закончен роман.
А коли во власти имеешь значенье,
Тогда наберись непременно терпенья.

И шепчет царица Орлову в ответ:
– Хоть пушки палят нам во славу побед,
Мне, сударь, на царстве спокойствия нет!
И Карл Радзивилл, и коварные шведы
Сулят нам на западе новые беды.
Скорей же, чтоб не было в царстве измены,
В Леворно плыви и избавь там из плена
Княжну.
– Готова тебе чем угодно помочь!
И граф удалился немедленно прочь.

Да, в замках холодных, в коварной ночи
Точили магнаты для мести мечи,
Чтоб снова, как прежде бы, с русского трона
Сияла заветная Польши корона.

Но русский корабль с итальянских морей
Княжну в Петербург увозил поскорей,
Чтоб Карл Радзивилл и проклятые шведы
В дворцовых интригах не знали победы.
Княжна – Лизаветы любимая дочь –
Могла бы во власти полякам помочь.

Встречает девицу российская ширь,
Давно приготовлен для встреч монастырь.
И там Досифеей её нарекли,
Чего же монахини боле могли...

231

В весёлых мазурках на новых балах
Исчез у царицы навеянный страх,
И дальше в нарядах блистала она,
И вновь поднимались бокалы вина,
Лишь Бога молила в застенках княжна:
Не выйдет уже на свободу она,
Не нужно теперь ей чужих королевств –
Лишь келья с свечой, в изголовии – крест.
И в этой стране под названьем Россия
Ты – жертва интриг, но уймись, как стихия,
Смирись, как монах, как постриженный инок,
До собственной смерти своей, до поминок.
И там, среди могил, за стеной крепостной
Последний приют обретешь и покой...

Подозрение

В тёплую погоду,
В пору длинных дней,
Разливаем водку –
Хошь-не хошь, а пей.
Дружная картошка
Всходит, веселя,
И цветы горошка
Бахромят края.
В пупырях огурчик
В парнике вырос,
Ветками колючек
Разноцветье роз.
Хмель обвил ограду
И тянулся, рос.
По дорожке к саду
Вереница ос...
По-хозяйски, тыква,
Формы не тая,
Подставляет солнцу
Круглые края.
По меже подсолнух,
Словно генерал,
Яркий и довольный
Впереди шагал.

Добрая капуста....
Урожайный год!
Кочаны, как люстра!
Славный огород!
Разливаем водку.
Добрый урожай!
Доедай селедку
И пойдем бай-бай!
С утренней росой
Надо на покос.
Накошу до зноя
На лошадку воз.
На возок в истоме
Ловко завалюсь.
Заждалася в доме
С пирогами Дусь.
И под скрип колёсный
Шелестела рожь.
Год-то високосный...
И бросало в дрожь.
Шевелю вожжами,
Воровски свищу.
Конь прядёт ушами,
Всё равно ему.

Огород не дорог –
Дорога жена.
Вдруг сосед мой – враг
Да принес вина,
Соблазнит красотку,
Не впервой ему.
Пили вместе водку.
Тошно самому...
Вывози, лошадка!
Уж не отдохнуть...
Ох, на сердце гадко!
Ах, как долог путь!
Сам того не зная,
Я его привёл.
Он бутоном чая
Улыбался, цвёл...
Вот она, калитка,
Вот крыльцо и дом.
Брошена накидка,
Никого кругом...
Кинулся к окошку,
Глянул в огород.
Дуся там картошку
Полет и поёт.
Под гармошку пляшет
Пьяненький сосед.
Кто теперь докажет –
Было или нет...

Нипочём нам шторма, вдаль высоких широт
Голубел расколовшийся паковый лёд,
Уносились обломки расколотых льдин,
Обрастали борта паутиной седин.

235

Напрягалась команда от резких толчков,
Выдыхала при виде огней-маячков.
Билось сердце спокойней, крутился радар,
Просигналил на мостик тихоня-сонар.

«Проскочили» – запишет в журнал капитан,
Лёд три фута под нами и слабый туман,
И баржа на буксире идёт за спиной,
Послезавтра придём в порт приписки, домой.

Но напрасно ботинки почистил матрос.
Оборвался тяжёлый натянутый трос.
«Стоп, машина» – команда, и – «Выбрать канат!
Натянули? Теперь дай обратно, назад!»

Намотали лебёдками лопнувший трос,
Закрепили последний двенадцатый гросс,
И шепнули друг другу, уже не дыша:
Потерялась при шторме, наверно, баржа...

Показались в ночи носовые огни.
– Да не там, а правее, смотри, вот они!
Лихо к барже узлом затянули конец,
И родное – Ура! – как работе венец.

Начищали матросы ботинки опять.
Сколько было их? Кажется, шесть или пять.
Брюки-клёш доставали из нар-рундуков,
Примеряли фуражки у стенок-шкафов.

Распалённый, весёлый на камбузе кок
В макароны долил припасённый жирок,
И на случай такой из канистр вино
По бокалам законной струёю текло.

Ветеранам из 90-х

Что может быть заветного в мундире?
Блестят просветы золотых погон...
В большой моей неприбранной квартире
Давно в шкафу уже пылится он.

237

Краснею нитью выцветшие канты,
И не играют светом грани звёзд.
Здесь мои военные таланты,
Тут мой давно затерянный погост.

Когда зайду и приоткрою створки,
То скрипом от разохшихся шкафов
Шарниры шлют привет советской сборке,
Как отзвуки забытых голосов.

Змеёю мудрой выются аксельбанты,
И смотрят пушки с бархатных петлиц.
И часто, часто ездят спекулянты
Ко мне за орденами из столиц.

Кружат вокруг и поднимают ставки,
Никак не извиняясь за визит.
Да забирайте, парни, и без давки
Военной жизни дряхлый реквизит.

Во рту сегодня не было росинки.
И парни смело деньги достают.
Я в этот шкаф их спрячу на поминки,
Пусть их друзья пришедшие пропьют.

Евреям Венеции

Едва в стекле у вашего оконца
Расправит крылья огненный закат,
Зажжёте свечи на заходе солнца,
Начнёте дружно в пятницу шабат.
ещё горят оплавленные свечи,
ещё звенит ваш колокол у врат,
ещё на ваши согнутые плечи
Не опустился жёлтый звездопад.
Темнел закат, всё меньше было света,
Часы пробили свой последний час.
И засыпало беспокойно гетто –
День лучших сделок навсегда угас.
Ростовщики, для вас совсем не ново
Залогом вещи старые хранить.
Залог, а не купеческое слово,
Помог вам честь и жизни сохранить.
Вот почему вы революций ждали,
Когда врата срывал Наполеон.
Вы «Славься, революция!» кричали,
Ему подставив поскорее трон.
И хоть уже минуло пять столетий
И ничего уж не вернуть назад,
Нет никого расчётливей на свете
Чем жид, у нас в народе говорят.

Об авторе

Шкабарня Михаил Викторович родился в 1959 году в г. Петропавловск.

В 1976 году окончил школу. По окончании её работал на заводе слесарем.

Поступил в Кузбасский политехнический институт и окончил его. Получил специальность «Горный инженер».

Работал в Кузбасском политехническом институте на кафедре геологии. Участвовал в исследовательских экспедициях по Кузнецкому Алатау.

После института служил в армии, затем работал на Кольском полуострове на Кировском руднике и Салаирском руднике в г. Салаир Кемеровской области.

Затем десять лет работал в 35 ВГСО командиром Оперативного горноспасательного взвода в г. Салаир.

В настоящее время руководитель производственного предприятия в г. Кемерово.

